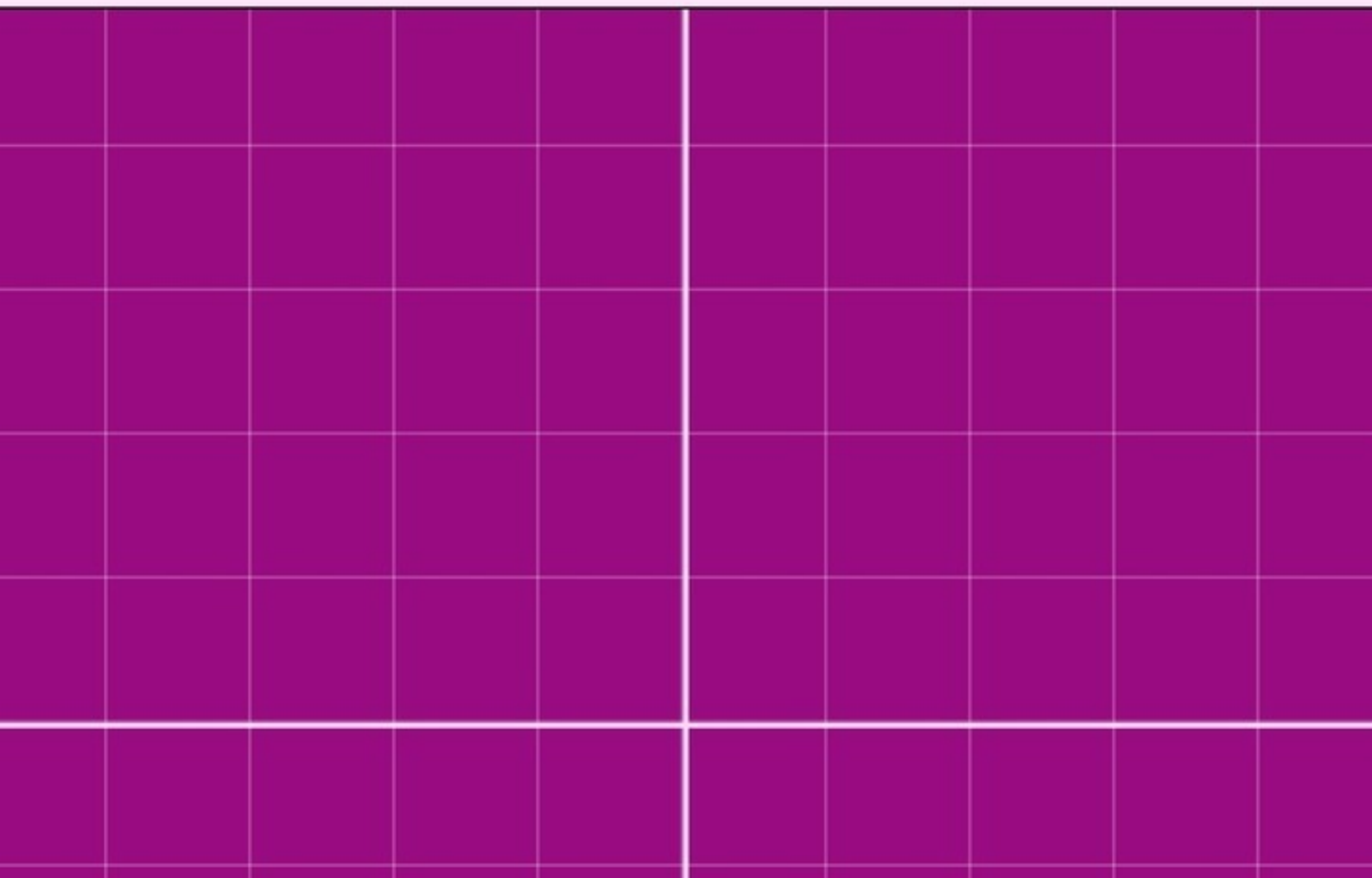

Николай Беспалов

*Роман
от первого лица*

Дети холодной войны

Николай Беспалов

Роман от первого лица

«Издательские решения»

Беспалов Н.

Роман от первого лица / Н. Беспалов — «Издательские решения»,

Роман от первого лица — это рассказ о жизни молодых людей в период так называемой холодной войны. Это увлекательное чтение содержит массу примет того времени. Вы окунетесь в атмосферу конца шестидесятых годов прошлого века и переживете вместе с героями все перипетии их жизни.

© Беспалов Н.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Прощай отрочество. Здравствуй молодость!	7
Отпуск Виктора Ивановича и его жены Ольги	19
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Роман от первого лица

Николай Беспалов

© Николай Беспалов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть первая

Дети холодной войны

Главные герои моего рассказа сверстники. Мальчишки моей школы.

Анатолий Пospelов, сын полковника. В послевоенные годы офицеры пользовались беспрекословным авторитетом. Толю уважали не только потому, что папа его полковник. Сам Толя был мальчиком рассудительным и уверенно спокойным.

Юрий Староверов. Как он не отвечал своей фамилии! Всегда шумный, энергично жестикулирующий. Воспитывался матерью одиночкой.

Георгий Ключвин. Бойкий малый. В анкетах он позже станет писать в графе «происхождение» – из рабочих. И будет прав. Отец его работал судосборщиком на заводе.

Николай Пулкиннен, из семьи натурализованных финнов, отец мастер на заводе.

Борис Бродов, тоже из семьи рабочих завода

Машиностроительный завод № N был, если можно так сказать, районообразующим предприятием.

То было время, когда многие предприятия, так или иначе связанные с обороной страны, были номерными. Даже НИИ, в котором я проработал почти тридцать лет, имел свой номер. Где-то в начале семидесятых годов заводам, институтам и КБ стали присваивать имена.

Примета времени.

И жили мы, за исключением Толи, в доме, возведенном методом народной стройки. Это значило, что рабочие и ИТР завода помогали строителям в свое нерабочее время.

Анатолий Пospelов жил в районе Комендантского аэродрома.

Начало действия – лето 1964 года

Все мои герои одного года рождения, 1947-го, и за исключением Анатолия Пospelова, учатся в одной школе. ШаЭрЭм – школе рабочей молодежи.

Естественно будет в моем рассказе много и других персонажей. Вы познакомитесь с ними по ходу повествования.

Необходимые документы того времени:

Газеты, журналы, письма. Но, главное это моя память

Прощай отрочество. Здравствуй молодость!

– Пацаны, наш майор предложил отметить окончание ШаЭрЭм в ресторане. Класс! – Борис Бродов самый рослый и развитый мальчик.

За окнами здания довоенной постройки, где днем учатся дети обыкновенной средней школы, а вечером молодые люди в школе рабочей молодежи, течет Большая Невка. На противоположном берегу её Центральный парк культуры и отдыха имени Сергея Мироновича Кирова.

Четверо учеников ШРМ №64 сидят в пустом кабинете литературы и русского языка. В школе ученики, да и учителя, этот кабинет называют за глаза «кабинетом майора».

Майор это их классный «дядька», то есть куратор. Майор в запасе, со шрамом через всю левую щеку, преподает литературу. Почитатель таланта Александра Сергеевича Пушкина. Наизусть знает почти все его стихи.

Итак, их четверо. Четыре ученика неполной средней школы, решивших не продолжать учебу в обычной школе и учиться до одиннадцатого класса, а перейти в эту самую ШаЭрЭм – школу рабочей молодежи..

Вообще, в «нормальной» школе их, друзей «не разлей вода», было пятеро. Но Толя Пospelов остался доучиваться в средней школе. Он и сейчас с друзьями тут.

– Я в ресторане был. Нас отец водил.

– И как там? – спрашивает Толю Пospelова Жора Клюквин, в обычной школе имевший прозвище Клюква.

– Классно, пацаны. Официанты все в белых рубашках.

– А еда, какая? – интересуется Боря.

– Все вкусно. Отец любит кавказскую кухню. Он служил там. Вот и привык.

По Большой Невке с треском промчался катер.

– Сосед Кольки катер испытывает, – поясняет Толя.

– Ты, Толя, с Колькой по-васям. Подговори его, чтобы сосед нас прокатил, – просит Боря.

Беседу друзей прервал приход того самого майора, то бишь куратора выпускного класса.

– Сидим, бойцы, а на дворе весна, – учитель литературы, майор запаса четко начинает читать стихотворение Пушкина, – Гонимы вешними лучами, с окрестных гор уже снега бежали мутными ручьями.

– У нас гор нет, – вставляет мрачный Жора Клюквин.

– Клюквин, Вы стремитесь соответствовать своей фамилии. Такая же кислятина. Это, Клюквин, поэзия. Я пришел к вам, как к взрослым людям, согласовать наше меню в ресторане. Но прежде, решим, куда пойдем.

В этом сила майора. Он к ребятам относится по-взрослому.

– По ресторанам у нас специалист Толя Пospelов, – подначивает друга Борис.

– Хорошо. Спросим Толю.

– Боря шутит. Я в ресторане был давно. Ребенком. Отец водил.

Майор улыбается. Им кажется, что они уже взрослые.

Несколько слов о майоре учителе. Когда началась война, Виктору Прозорову было двенадцать лет и жил он в пригороде Ленинграда городе Тихвине. Оккупацию города немцами он не застал. Родители в начале июня отправили мальчика на другой конец области, в поселок Токсово к бабушке. Там он и дождался окончания войны. Рвался на фронт, а посылали на лесозаготовки.

– Это твой фронт, – говорил инвалид без ноги, которую потерял при бомбежке на правом берегу Невы.

Окончил юноша Прозоров среднюю школу и по совету одного хорошего товарища подал документы на поступление в Высшее командное военное училище. Окончил его.

Стал командиром и неплохо командовал. Дослужился до майора. И дальше бы служил. Может быть, и до генерала дослужился, если бы один раз в поле нерадивый боец с гранатой не справился. Майор прикрыл собой товарищей. Не погиб, но получил такие ранения, что к дальнейшей службе стал непригоден. Еще в школе Витя пристрастился к чтению. Он и в армии читал запоем. Каждый вечер он посещал библиотеку. Товарищи так и прозвали его – библиотекарь.

Заочно окончил Педагогический институт и стал обыкновенным учителем. Звучит уничижительно? Нет обыкновенных профессий. Есть обыкновенные люди, не видящие в своей профессии романтики. Виктор Прозоров соответствовал своей фамилии. Был очень прозорлив. В школе он обрел себя.

Конец пятидесятых, начало шестидесятых...

Каждый, кто жил в то время, имеет свои воспоминания о тех годах. Кто-то вспомнит стадионы полные зрителей и выступления на них новых молодых поэтов. Евтушенко. Вознесенский. Рождественский. Ахмадулина.

Кто-то переезд из многонаселенной коммунальной квартиры в отдельную квартиру в пятиэтажном блочном доме, где в окна первого этажа мог заглянуть человек даже небольшого роста. Легендарные «хрущевки».

Председатель колхоза где-нибудь в Вологодской области, вспоминая те годы, станет чертыхаться, если не больше. Его и его товарищей заставляли сеять кукурузу.

От восторга до резкой и уничижающей критики, вот каков диапазон воспоминаний.

Учитель, товарищ майор в запасе, Прозоров вспоминает те годы с благодарностью. У него родилась дочь. Поздний ребенок, особенно дорог. Сегодня ей восемь годков. Девчушка мала, но разумна: «Я стану как папа». Это не значит, что она хочет стать военным. Она решила быть учителем.

Родился ребенок и сразу проблемы. Пеленки, распашонки.

– Это я сошью из простынь. Кроватку можно самим соорудить, – говорила Ольга немного сошедшему с ума мужу, – Но детскую коляску дома не сделаешь.

Молодой лейтенант, который по результатам учений получил благодарность от командования дивизии, растерялся.

– На магазины время не трать. В выходные поезжай в Ленинград и иди на барахолку.

– Ты соображаешь, что говоришь?! – возмущается предложением жены Виктор, – Лейтенант Советской Армии толчется на барахолке.

– Штатское одень. Или ты уволишься и станешь на прогулки ребенка таскать на руках?

Ольга права. И поехал в ближайшее воскресенье Виктор в город. На барахолку.

Примета времени. Немного истории этих уникальных по-своему рынков.

Одним из первых блошиных рынков был, скорее всего, *Marché aux puces* в Сент-Уан (район Сена – Сен-Дени в северных пригородах Парижа). Это большой базар на огромной территории, один из четырех подобных в Париже.

Рынки получили своё название от продаваемой старой одежды, которая вся была изъедена молью и кишела блохами.

С конца XVII века подобные примечательные рынки под открытым воздухом в городе Сент-Уан стали организовываться со столами и скамейками на полях и различных «рыночных скверах», где старьевщики и тряпичники продавали или обменивали свой товар за небольшие деньги.

В осажденном немецко-фашистскими захватчиками Ленинграде тоже была барахолка. Кто-то там, обменивая дорогие и иногда уникальные вещи, спасал жизнь себе и родным. А кто-то на этом наживался и после войны становился таким Корейко.

У меня тоже есть воспоминания о барахолке. Уже в наши дома провели газ и печные плиты были разобраны, но летом, когда семья уезжала в деревню, мама нам кашу готовила на керосинке. Был такой бытовой прибор в те годы. Старая, служившая еще в годы блокады Ленинграда, испортилась, и было решено купить новую керосинку. Хватать-похватать, а в магазинах уже нет. Пришлось маме ехать на барахолку. Меня с собой взяла. Оттуда и память об этом.

Потратив несколько строк на куратора класса, майора в запасе, Прозорова и приметы времени, возвращаю вас в май шестьдесят четвертого.

– Вижу я, какие вы знатоки значных мест. Пойдем в ресторан «поплавок». Организационную сторону беру на себя.

Борис недовольно бурчит под нос: «Мы побоку. А ведь это наш выпускной».

– Борис, чего бубнишь себе под нос? Говори громче.

– Я и говорю громче. Это наш выпускной вечер.

– Парни, я не спорю, это ваш праздник. Но он и мой. Вы у меня, товарищи, первый выпуск. Так что отметим, как полагается.

Заказывать столик в ресторан «поплавок» под названием «Нева» поехали втроем. Виктор Иванович, Борис Бродов и Юра Староверов.

– Больше и не надо, – рассудил Анатолий Поспелов. Он и в классе слыл человеком рассудительным.

Рестораны «поплавки». Примета времени. В те годы в Ленинграде их было, если память мне не изменяет, четыре. Особый воздух. Аляповатые интерьеры. Чуть грубоватые официанты. И, что обязательно, громкие оркестры со своим репертуаром. Им его, также как и другим, утверждал худсовет Ленконцерта, но частенько солистки и оркестранты отступали от него и звучали песни запрещенного в послевоенные годы Вертинского и других неугодных цензорам от культуры певцов.

Виктор Иванович, живший на проспекте Максима Горького в доме, что на углу с улицей Зверинской, выбрал ресторан «поплавок» рядом с домом, на Кронверкском проливе напротив Заячьего острова. С борта «поплавка» был виден шпиль Петропавловского Собора, усыпальницы Императоров России.

«Надо будет рассказать моим ребятам о Соборе и том, кто там спит вечным сном», – планирует Виктор Иванович, стоя на корме «поплавка». Ребята убежали сразу, как только был оформлен заказ на банкет.

В ресторане «поплавков» к Петропавловке по вечерам собиралась компания торговых людей с Сытного рынка. Тех, что распродали свой товар и теперь готовы уехать домой. Среди них Вы не встретите женщин из деревень Псковщины или Новгородщины. За столами ресторана сидят мужчины поголовно черноволосые и темноглазые. И говорят они на гортанном языке горцев.

Учитель литературы по причине того, что в рестораны не ходил, этого не знал. Знал бы, выбрал другой ресторан.

Наивный учитель. Он думал, что мы все еще слушаем детские песенки. А мы заслушивались уже Окуджавой: «Клены выкрасили город...», «Из окон корочкой несет поджаристой...». Самая патриотичная и «правильная» песня была со словами: «До свидания, мальчики...».

А уж о блатных песнях и говорить не стану. Росли-то мы в таком районе, где что ни парадная, то там обязательно жил кто-то из ранее осужденных и отсидевших свой срок в колонии.

Забегая немного вперед, скажу, Борис Бродов уже полноправный член трудового коллектива судостроительного завода, не избежал участи быть вовлеченным в воровскую шайку.

Но это впереди. А тут и сейчас ресторан «поплавок», стоящий на его борту учитель литературы и его мысли.

«Я преподаю русскую литературу. Моя главная задача, донести до учеников красоту русского языка, привить им привычку чтения. Не просто чтения, а осмысленного. Химичка, математик и физик. У них точные науки. География к ним же. Но как быть с историей? Я историю изучал сам. Читал Ключевского, Соловьева. Сложно. А в наших учебниках история как евнух. Обкорнали. Надо попробовать давать ученикам некоторые исторические факты через литературу. Тем более, что с историком у меня хорошие отношения».

– Хороша погодка, – рядом встал тот самый чернобровый и черноволосый человек. От него разило перегаром.

– Хороша, – отделался одним словом Виктор Иванович и поспешил уйти с «поплавка».

А погода действительно радовала. Прошел по Неве Ладожский лед, и отцвела черёмуха. Холода отступили. Зазеленели кроны деревьев. Скоро распустятся красавцы бутоны сирени. Жена Виктора любит сирень. И он нарежет букет и подарит ей. Ольга Прозорова по мужу, в девичестве Худобина. Со школы к ней прицепилось прозвище «пышка», так и жила не Ольга, а Пышка. Но теперь...

Лишь бы Оля была здорова. Что-то в последнее время она быстро устает. Да и похудела.

А зимой заболела редкой для тех лет и её возраста болезнью – рак молочной железы.

Путь Виктора Ивановича лежит теперь к Тучкову мосту. Там в доме на Большом проспекте гомеопатическая аптека. Надо Пышке, да какая она Пышка ныне, купить какие-то шарики. Врач говорит, что поможет. Операцию по удалению правой молочной железы Ольга перенесла хорошо.

– Теперь, дорогой, – так обращается врач к мужу Ольги, – Надо закрепить результат. И мы с Вами это сделаем.

Чего скрывать, больно хороша врачиха. Фигуриста, грудаста. А глаза, какие! Огни, а не глаза.

Моя мама тоже ходила к этой врачихе.

Хорошо помню, как она говорила отцу: «У неё отец цыган. Мне кажется, она обладает даром гипноза».

По малолетству я не знал, чем болеет мама, но позже, когда она умрет, а мне будет уже двадцать пять лет, отец скажет: «Наша мать поразительно долго прожила после операции. Цыганка так и предрекала». Скоро я узнаю, что Тамара и мой отец стали любовниками. Но это все случится уже при Брежнев в период его наиболее успешного правления. Наша пресса ни словом не обмолвилась о том, что Солженицын был выслан из страны. Но что это для обыкновенного советского обывателя?

Что-то я далеко забежал вперед.

Две баночки с маленькими шариками, по мнению гомеопата, должны помочь Ольге справиться с болезнью.

Свернув на Большой проспект Петроградской стороны, учитель литературы дошел до известной многим жителям этих мест «Чебуречной».

Пока майор в запасе подсчитывает, на что он может рассчитывать в чебуречной, я отвлекусь на свои воспоминания об этом «злачном заведении».

И вновь меня потянуло на воспоминания о своем личном.

Закончен первый курс! Мы начали дистанцию в пять лет. Спортивная терминология сидит во мне, как шило в одном пикантном месте. Я играю. Летом в футбол, зимой в хоккей. До триумфальной серии побед сборной по хоккею СССР над канадцами четыре года, но игра в хоккей прочно заняла свое место в приоритетах молодежи. Играю и бегаю на короткие дистанции. Спринтер я.

Чего скрывать, игрой в командах крупных производственных объединений я зарабатывал кое-какие деньги.

Февраль шестьдесят четвертого. Кто из нас, студентов мог знать, что время правления Никиты Хрущева близится к своему концу. Потом мы узнаем из газет, что был он волюнтаристом. А пока в моем окружении мнения о Хрущеве разные. Ефим Горбовский считает, что Хрущев дал нам свободу: «При Сталине никогда бы не напечатали «Один день Ивана Денисовича».

Ему возражали: «А флот кто развалил?»

Мы корабелы – студенты ЛКИ. Ленинградского кораблестроительного института.

Другой наш единомышленник добавлял: «Это при Хрущеве сносили храмы. И снесли больше, чем при Сталине».

Честно говоря, в те дни мне было абсолютно безразлично, чем плох или чем хорош этот Хрущев. Я был влюблен. Страстно, безумно. Не зря же врачи это состояние называют временным помешательством. «Предмет» мой любви однокурсница Анна Скворцова.

Сдан последний в этом семестре экзамен. Я получил деньги за игру на льду в составе команды крупного предприятия.

Мои товарищи по группе собирают по рублю для сабантуя в общежитии. Я тоже даю рубль. Даю, но сам пребываю в замешательстве. Хочется посидеть с мужиками. Потрепаться. Нам есть о чем поговорить. Впереди преддипломная практика. Где её пройдешь, там и работать, возможно, будешь. А это, понятно и для зайца, жизненно важный вопрос. А Аня? Ей я обещал поход куда-нибудь поужинать.

Первым порывом было пойти в общежитие. Там побыть немного и потом рвануть к Анне.

Нет! Сказал я себе. Одно из двух, и выбрал свидание с Аней.

Терциум нон датур – *tertium non datur*, что в переводе значит: «третьего не дано»

Как же был я удивлен, когда безумно любимая мной девушка после, ставшего дежурным, поцелуя заявила: «Я бы на твоём месте пошла в общагу».

Мы пошли в чебуречную. И пили там сухое вино, и ели эти чертовы чебуреки. Но час назад мучавшая меня страсть испарилась. Как все просто...

Виктор Иванович подсчитал финансы и решил все-таки зайти в Чебуречную. «Скоро выдадут отпускные, так что не пропадем». Эти слова произнес майор в запасе про себя.

Частенько подлая мыслишка посещала голову учителя литературы – надо было выучиться просто на инженера. На производстве больше платят. Но он отметал её.

«В педагогике я нашел себя. Мне доставляет удовольствие рассказывать ребятам о величии русского языка, о писателях, которые при жизни стали классиками».

Суп харчо и порция чебуреков вернули Виктора Ивановича в прозу жизни. И, прежде всего к болезни жены. О вечере в ресторане он сейчас не думал. Что о нем думать? Пацаны взрослые.

Если харчо раздражил аппетит, то и сочные, горячие чебуреки его не смогли унять. После выпитого стакана компота из сухофруктов Виктор Иванович вышел на воздух. Что ж. Все, как говорил один умный человек из Франции: «даже сухую кашу надо есть с удовольствием, смакуя каждый кусок. А, поев, у Вас должно остаться приятное послевкусие и чувство легкого голода».

Французам это может быть, хорошо, а нам, русским, надо обязательно наесться от пуза.

Домой добираться можно, как говорили в старые времена, на перекладных. Говоря по современному, на двух видах транспорта. Виктор Иванович, пройдясь по Большому проспекту до площади Льва Толстого, дважды останавливался; один раз у афиши кинотеатра «Свет» и второй раз у витрины магазина «Охоты и спорт». Помечтав о спиннинге, поспешил на остановку троллейбуса. Спешить некуда. Жена на работе. Это у школьников и их учителей кани-

кулы. У нормальных людей рабочие будни. Как не уговаривал Виктор Иванович жену пойти в отпуск, она наотрез отказалась.

– На работе я забываю о своей болезни. А отдыхать поедем вместе, – с грустью слушал тогда жену Виктор Иванович. Он помнил слова врача: «Мы сделали все, что могли. Теперь все в руках божьих».

Не таков характер майора Прозорова. И тогда-то он нашел врача гомеопата.

Тамара иные речи ведет: «Наша с Вами, милый Виктор, задача состоит в том, чтобы разбудить в Ольге самые глубинные силы. Вы слышали что-нибудь об иммунитете?»

Виктор повертел головой – нет.

– Мои шарики, это половина дела. Вы должны ежедневно заниматься с женой физзарядкой. А в выходные езжайте куда-нибудь на природу. Легкие пробежки, приседания. Все это укрепит иммунитет Вашей жены.

Я женился по меркам тех лет поздно. Защитил диссертацию, вступил в ЖСК. Создал, так сказать, материальную базу.

С Еленой познакомился во врачебном кабинете. Пришел «закрывать» больничный лист, и встретил в кабинете не знакомого нам всем участкового врача, а её, мою будущую жену Елену. Она подменяла участкового врача, которая, как и все смертные, заболела гриппом.

Период обихаживания-ухаживания был короток.

О том, как произошел сам процесс объяснения, расскажу.

Смешно прозвучит, но я пригласил Елену в ту самую чебуречную, вокруг которой крутятся те или иные события романа. Повел туда Елену не потому, что слыл скупердяем. Просто так получилось – я и она оказались в тот день на Петроградской стороне рядом со стадионом имени Ленина. Октябрь семьдесят четвертого года был холодным и ветреным. И она, и я сильно продрогли. Я на беговой дорожке. Елена, дожидаясь какого-то хмыря, который обещал продать ей модные женские сапожки «чулок».

Сапожки она обретет позже. Это будет мой предсвадебный подарок.

Вместо обычного супа харчо в тот день в меню был другой суп. Я купил по полторы порции чебурек и второе блюдо с экзотическим названием хазани хоровац. На самом деле это был шашлык в кастрюле. Вместо компота из сухофруктов значился апельсиновый напиток. В делах кулинарных я консерватор. Зачем портить апельсин?

– Ты знаешь, мой друг, походом сюда ты окончательно покорила меня. Честно скажу, ты мне казался немного снобом.

Такой вывод Елена могла сделать потому, что как-то я не очень хорошо отозвался о еде в нашем общепите. Тогда я имел в виду столовую при институте, где я подрабатывал почасовиком.

Потом мы с Леной, слегка пьяные, поехали на острова. Старожилы Ленинграда знают, что значит выражение «поехать на острова». Крестовский остров это место отдыха многих горожан. Откровенно говоря, я предпочитаю Каменный остров. С его аллеями, древними деревьями, старинными особняками. Госдачу со сплошным и высоким забором я обходил стороной.

Но Елена захотела прокатиться на американских горках. Меня всегда интересовал вопрос: почему в Америке эти крутые горки называются русскими, а у нас в России американскими?

Короче! Кричат из зала. Народ надо уважать и потому завершаю этот эпизод из моей жизни фразой, которую прокричала мне в ухо Елена на высшей точке американских гор: «Я делаю тебе предложение, бери меня в жены».

В субботу, как и было, спланировано, в ресторане «Нева» в общем зале за одним столом собралась немного странная для стороннего человека компания. Четыре молодых человека и взрослый мужчина в выходном костюме и орденской планкой на борту.

– Мальчики, я нарушаю закон, – начал свою речь Виктор Иванович, – но я заказал каждому по сто граммов водки.

Знал бы бывший куратор мальчиков, что трое из них, Борис Бродов, Николай Пулкин-нен и Георгий Клюквин эту самую водку уже пили. Они же рабочий класс! Ну и что, что они ученики? Но закон суров: получил аванс, «проставляйся»

Что касается еще одного героя, Толи Пospelова, то он свою первую рюмку водки выпьет, будучи уже студентом. Но тут его нет. Ему учиться еще год.

Парни тихо улыбнулись: «Как ты наивен, наш бывший куратор, мы с собой взяли бутылёк. Что нам, взрослым парням, эти сто грамм на рыло?» Таков был ход мыслей юношей.

Не простак и Виктор Иванович. Он еще на берегу заметил, как топорщится задний карман брюк у Бориса.

«Я им покажу, как приносить водку в ресторан. От меня не скроешь».

Банкет начался с тоста куратора. Я не стенографистка какая-нибудь, и потому передам основные тезисы выступления оратора.

«Впереди у вас взрослая жизнь. Жизнь с её трудностями и соблазнами, которые вы», тут Виктор Иванович запнулся. Он услышал чей-то шепот: «и прожить её надо так, чтобы не было мучительно». «Не зря прошли мои уроки», удовлетворенно отметил учитель.

– Вы правы, пацаны. Вы уже взрослые. Кое-то из вас успел и в милиции побывать. Выпьем за дружбу.

В детской комнате милиции успел побывать наш атлет Боря Бродов. Классика жанра.

Ему пятнадцать. Ей шестнадцать. Звали девочку так красиво и романтично. Роза. Роза Зисерон. Красивая девочка еврейка из класса старше на год.

История юношеской любви, когда он пылает, а она снисходительно отвечает. И не более, более другое. Роза стала подзуживать мальчиков из своего класса: «Он хам. Он ругается плохо. Он меня обидеть хочет». Боря очень хотел «обидеть» Розу. Поцеловать он её хотел.

Думаю, и к кое-чему более серьезному тянул его молодой организм, но реализовать желания он бы не посмел. Сильный физически мальчик был застенчив и скромн. Но плохо будет тому, что рассердит его. Бил Боря сильно и больно. Умел драться.

Драка произошла все-таки. Тогда и привели его в милицию. Оперуполномоченный по делам несовершеннолетних разобрался и скоро отпустил Бору. Но факт есть факт.

Майор в запасе нарочно упомянул о милиции. Чтобы знал тот, кто грешен был, ничто не проходит бесследно.

Трапеза проходила под разговоры о будущем. То один выпускник, то другой брал слово для тоста. И каждый говорил лестные слова об учителе.

Заметно охмелел Юрий Староверов. Немудрено. Товарищи его работают на заводе, а Юру мама пристроила рядом с собой. Мама Юры трудится процедурной сестрой в больнице. А кого больше в коллективе такого заведения? Вопрос праздный. Конечно, женщин. Я не хочу сказать, что советские женщины все поголовно были трезвенницами. Но то, что женщина скорее запретит, нежели пригласит вместе с ней выпить водки, факт бесспорный. Своего единственного сына мать, выстрадавшая его одна, ограждала Юру от всех соблазнов. Доходило до абсурда. Увидит на афише подпись – «детям до шестнадцати запрещено», и не дает денег на билет. Наивность матери. Неужели парень не наберет двадцать пять копеек на самый дешевый билет?

Вернемся в ресторан. Выпиты все заказанные «по сто». Съедены закуски. Компания ждет горячего.

Надо учесть, тут не какая-нибудь третьеразрядная столовка, тут ресторан. Пускай и он не первый разряд. Но все, же ресторан. Учили? Тогда не ропщите, что официанты не торопятся подавать блюда.

В ресторане «Нева», этаким филиале колхозного рынка «Сытный», официантки сплошь женщины.

Посмотрим, как закончится вечер для нашей честной компании.

– Доставай, Борис из широких своих штанин, – Виктор Иванович сделал театральную паузу, – Естественно не паспорт. А бутылку, что от меня бывшего командира роты пытались спрятать.

После того, как каждый из его бывших учеников выпил еще по пятьдесят граммов, но уже из собственных запасов, Виктор Иванович сказал.

– Что же, ребята, теперь рассказывайте, какие планы на будущее, —

– Я после армии в институт все-таки пойду, – заявил Борис.

– Не-а-а, – тянет Коля Пулкиннен, – Что инженер? Максимум что ему платят, это сто пятьдесят. А классный рабочий может выколотить все триста.

Юра молчит. Он среди них самый малообеспеченный человек, и сумма в триста рублей для него непостижима.

– Мужики, я был военным. Офицером. Имел приличное денежное довольствие. В поле бесплатное питание. К тому и на одежду особо тратиться не надо было. Произошло ЧП и что? Кто-то, может быть, и опустил бы руки. Стал бы пить.

– Вы герой. Вы людей спасли, – уважительно говорит Боря.

– Герой, не герой, а стал учителем. И нашел на этом поприще себя. Без денег не проживешь. Это точно. Но и упираться в одни деньги нельзя. В работе человек должен находит удовольствие. Творческое начало. Иначе, это рабство.

Виктор Иванович так распалился, что не заметил, как Боря вышел из-за стола. А когда заметил, то решил, парень пошел в туалет.

Потом вступил Юрий. Он говорил о своей детской мечте побывать на море.

– Я кино смотрел про нашего адмирала Ушакова. Как он турок бил на Черном море. Вот бы поехать туда.

– Я бы в горы поехал. Что море? Искупался, позагорал и все? А в горах красиво, – Коля финн.

Пойдет пять лет, и он с товарищами в горах Кавказа вспоминая кинофильм «Вертикаль», будет петь песню оттуда: «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал».

Внизу народ будет обсуждать итоги XXIII съезда КПСС.

Наши «китайские товарищи» на XI пленуме ЦК КПК по указанию Мао Цзэдуна начнут культурную революцию.

Помню как мы девятнадцатилетние мальчишки, студенты второго курса Корабелки переименовывали название молодой китайской гвардии хунвейбинов.

Американцы бомбят Ханой и Хайфон. Не мог я тогда сообразить, что это идет, по сути, война между СССР и США. Как высок был среди нас, молокососов воинственный дух: «Нас бы туда, да танки наши. Мы бы показали этим янки и Нагасаки, и Хиросиму».

Но существовал и иной круг людей. Им до обморока было страшен тот факт, что Брежнев перестал очернять все, что связано с именем Сталина. Я узнаю о «письме двадцати пяти» в Москве в декабре шестьдесят шестого года.

Дальняя родственница мамы, доктор медицины, работавшая во Второй Градской больнице, недавно потерявшая мужа, приютила меня на недельку. Отец выделил мне деньги: «Побывай в Москве. Ты технарь, а в наши сокровищницы культуры ни ногой. Может быть, в столице сподобишься и сходишь в Третьяковку и Пушкинский музей»

Это она, мамина родственница рассказала о письме.

– Дорогой мой молодой друг, вы в своем Питере живете, как на высылках. Ты должен знать! – возвысила она голос, – двадцать пять лучших умов и творцов Союза подписались под письмом к Брежневу с требованием прекратить восхвалять Сталина.

Я запомнил имена кинорежиссера Рома, художника Пименова, писателя Катаева, актера Смоктуновского. Запала в память фамилия Академика Сахарова.

А в последний день моего пребывания у гордой москвички я узнал о судебном процессе над какими-то опальными писателями Даниэлем и Синявский. Позже мне откроют «тайну» их псевдонимов за рубежом.

Поскольку в СССР художественные произведения этих писателей не печатались, они переправляли их на Запад, где публиковались под псевдонимами Абрам Терц (Синявский) и Николай Аржак (Даниэль). Произведения вывозила Элен Пельтьё-Замойская, дочь военноморского атташе Франции, с которой был знаком Синявский. Жена Синявского Мария Розанова позднее рассказывала: «Может быть, случилось это только потому, что Андрей Синявский согласился на неё доносить в КГБ, а потом рассказал ей об этом».

Рассказывали мне также байку, что раскрыли истинные имена для КГБ американцы с одной целью – устроить скандальный процесс в СССР и тем отвлечь мировое сообщество от своих преступлений во Вьетнаме.

Приметы времени. А что в ресторане «поплавок»?

– Что-то наш спортсмен пропал, – волнуется Виктор Иванович.

– Водки мало выпил, вот и пронесло его от жирного, – грубо шутит Юра.

– Не-а-а, – привычно тянет Коля финн, – Он пошел на воздух. Там хорошо. Там свежо.

Что же, Коля говорит верно. В ресторанном зале накурено, не продохнуть.

– Вы, парни оставайтесь тут, а я пойду, поищу нашего Бориса.

Бориса Бродова Виктор Иванович нашел в закутке за гардеробом. Там бывший ученик товарища Прозорова стоял в обнимку с официанткой, которая и обслуживала их столик. Если руки юноши обнимали стан женщины, то её руки находились значительно ниже талии Бориса.

Майор запаса вспомнил своё прошлое боевое.

– Боец Бродов, смирно! – скомандовал он командным голосом.

Боря аж подскочил. Овернулся. Увидел бывшего куратора и бегом с «поплавка».

– Ты, шалава, неси нам десерт и упаси тебя бог затеять свои похабные игры с моими пацанами.

Пройдет время, я подрасту, и мне станут известны некоторые пикантные подробности работы официанток. Большинство из них жительницы близлежащих домов.

Этот казус случился со мной в начале сентября. Я аспирант! Сдан кандидатский минимум, определен мой научный руководитель. Лучшего желать грешно. В кошельке достаточная для похода в ресторан сумма. Я одинок. Девушка, которая отнеслась ко мне со вниманием и лаской весной, летом уехала отдыхать с профессором кафедры сопротивления материалов. На то он и доктор наук по сопротивлению материалов, чтобы рассчитать ту формулу, что сломила «сопротивление» податливого тела юной девы.

И вновь случай. Ближе к вечеру я оказался у Кронверкского моста. Зачем ловить журавля? Спросил я себя и по сходням сошел на борт «поплавка». Знал бы, чем может закончиться этот сход, шагу бы не ступил по шатким ступеням.

Денег мне хватило на вполне приличный ужин. Салат столичный, ромштекс с гарниром и двести граммов водки. На десерт запланирован пломбир и чашка кофе. Я предусмотрел и чаевые. Столь щедрый заказ, наверное, и подтолкнул официантку, что обслуживала меня на мысль о том, что я богат.

– Я через полчаса освобождаюсь. Мужчина не желает скоротать вечерок в компании симпатичной девушки?

Черт меня дернул и я отвечал: «Отчего же, нет?»

– Тогда подожди меня на набережной, – тут до меня дошло, что «симпатичная девушка», это она сама.

Холодный ветер отрезвил меня. Но, как оказалось, не на столько, чтобы сбежать тотчас. Девушка взбежала по сходням и схватила меня за руку.

– Пошли быстрее. Тут близко.

Зачем так спешить? Хорошо бы после сытного ужина пройтись. Это мое мнение. У девушки иное, и она тянет меня куда-то в сторону рынка. Хорошо, у меня уши не заложило. Позади шаги.

Вырываю руку и резко оборачиваюсь. Позади двое. Два парня. Малорослые, но кряжистые. У одного руки чуть не до полу. Не человек, а горилла.

«Шалите, пацаны, я не пальцем делан. Я и не таких видал». Это были последние приличные слова, которые вылетели из моего рта. Тогда я не знал, как по-научному называется русский мат. Теперь знаю – это была абсенная лексика.

Со словами так часто употребляемыми трусами: «мы чего? мы ничего», «горилла» и его поделщик скрылись за углом.

Девушка официантка, подрабатывающая таким незаконным способом, куда-то скрылась.

Мне не удалось в тот вечер скоротать вечерок с проституткой и пособницей уличных разбойников. Как и не пришлось испытать на себе «чары» тогдашней официантки Борису Бродову.

– А где Борька? – спрашивает Коля Пулкиннен.

– Проветривает мозги на набережной, – что может ответить учитель своему бывшему ученику?

Мороженое и кофе подавала другая официантка. Боря немного опоздал к десерту и скушал растаявшее мороженое и остывший кофе.

Домой возвращались за полночь. Бывший куратор класса довел честную компанию до начала улицы Савушкина, пожелал всем спокойной ночи и пошел по мосту через Черную речку к себе на проспект Смирнова. К жене и ребенку.

«Вот и кончилось у ребят отрочество. Впереди молодость. Всем им скоро предстоит уйти служить в армию. Мне бы следом, чтобы и там быть им куратором», грустно думает майор в запасе.

Дома Виктора ждет жена. Не потому, что у неё бессонница. Напротив, глаза слипаются. Для кого суббота выходной. Лежат себе на диване и плюют в потолок. А для женщины это трудовой день. На работе так не устанешь, как дома в субботу. Она переживает за мужа. Ему пить нельзя. Контузия все-таки была. О себе Ольга не думает. О том, что она больна, как бы забыла. Эффект занятости. Остановись человек, и нахлынут болезни. Это как езда на велосипеде.

Звякнул в скважине ключ. Муж пришел. И чаще забилося сердце. Сколько живут вместе, а все как в первые годы. Когда Витя уезжал на учения, Оля места себе не находила. Напрасно он как-то сказал: «У нас в армии есть такой термин ППП. Предполагаемый процент потерь. Так я должен так выучить своих бойцов, чтобы этот ППП равнялся нулю». А когда Оля спросила, какой средний процент таких потерь, то Виктор без обиняков ответил: «От четырех до семи процентов из числа занятых на маневрах. Тогда у Ольги сердце так защемило, что хоть плач.

– Ты, почему не спишь?

– Отгадай с трех раз, – улыбнувшись, отвечала жена мужу. А у мужа одно на уме – её здоровье.

– Плохо себя чувствуешь?

– Я всегда себя плохо чувствую, когда тебя долго нет. Разве это тебе не известно, – Ольга обняла мужа.

А она, кажется, пополнела. Не веря своим ощущениям, думает Виктор.

– Должна бы привыкнуть. Ты на весы давно вставала?

– Опять он за свое. Ты готов взвешивать меня, как поросенка на откорм, – Оля отодвинулась.

Виктор не стал настаивать. Ночь все-таки за окнами.

– Чаю хочу, – сказал он.

– В ресторане не могли напоить, – притворно сердится жена и идет на кухню готовить чай мужу. Не принято перечить мужчине. Ольга мудрая женщина, она не станет спорить с мужем по мелочам.

То ли за поздним ужином, то ли за ранним завтраком у Виктора с Ольгой состоялся такой разговор.

– Проводил в большую жизнь питомцев? – спросила жена без иронии.

– Они не космонавты, а я не земля, – Виктор подумал, что Ольга намекает на песню.

– Ты не в духах, – обиделась Оля.

– Прости. Немного устал. Парни взрослые. Они же уже рабочий класс. А еще выпили.

– Тебя посадят за растление малолетних.

– Они сами кого хочешь растлеют.

– Как-то нескладно звучит, – замечает Ольга и подливает горячего чая мужу.

– Сам чувствую.

– Интересно, какая ждет их каждого жизнь? Кем станут?

– Мне тоже интересно. Но поговорим о нас. Дочку я определил на две смены в пионерский лагерь. Лагерь хороший. От УВД города.

– Милицейский что ли? – настороженно спрашивает Ольга.

– Ты милиции боишься? Зато порядок обеспечен. Нам с тобой надо подумать об отпуске.

Предлагаю на три недели поехать в Крым. Море, воздух, фрукты.

– Море и воздух? С этим согласна, а что касается фруктов, то там они дороже, чем тут. Курорт. Понимать надо. В Крыму пляж песочный. Я люблю гальку. Поехали в Абхазию. Там все дешевле.

Откуда жене это известно? Задается муж вопросом и получает ответ.

– Не ты один думаешь об отпуске. Я кое-кого пораспрашивала. Советуют ехать в Гагры. В согласии об отпуске супруги отошли ко сну.

Завтра четвертое июня. Виктору Ивановичу осталось доделать в школе кое-какие дела, и он свободен. Жене отпуск «подписали» с середины месяца, с двенадцатого июня.

– Ты проводишь Аню в лагерь? У меня на работе запарка. Начальство гонит. Все рвется получить переходящее Красное Знамя. И нам премии.

– Соберешь ты. Провожу я, – согласие в семье майора в запасе товарища Прозорова.

Две недели писал разные бумаги Виктор. Две недели жена его Ольга трудилась в поте лица, стремясь перевыполнить план по выпуску «специзделий». В переводе на нормальный язык, авиационных прицелов. Дочка пребывала в летнем городском лагере.

Примета времени. Летние лагеря отдыха для детей, оставшихся в городе.

Обычно мы с матерью на два месяца уезжали в деревню к матери сослуживца отца.

На этот раз я поеду один.

– В былые времена дети дворян лето проводили в поместье. Общались с деревенскими ребятами. Приучались к крестьянскому труду. У нас с матерью поместья нет. Но есть Прасковья Павловна и её подворье. Она тебя научит работать по-настоящему. Потому что нет ничего благороднее, чем труд на земле. А то в городе развелось тунеядцев, – так наставлял меня отец перед тем, как посадить в междугородный автобус сообщением Ленинград-Псков.

Запомнил, с каким сарказмом мама заметила: «Ты еще ребенку напости об Указе Президиума Верховного Совета РСФСР о борьбе с «паразитическими элементами».

Я еду в автобусе один! Мало ли что, папа напутствовал меня строгими наказаниями и попросил какую-то тетку не спускать с меня глаз. Я один! И тем я горд!

В Пскове меня встречает мать сослуживца отца. Я представлял её злой старухой. А встретила меня женщина не на много старше мамы, и одета она была по-городскому. Одно отличало её от городских модниц – на ногах резиновые сапоги.

До деревни едем на грузовике. Прасковья Павловна пытается посадить меня в кабину. Я против: «Что я маленький? Не выпаду». Детская самонадеянность.

Первые километров пять мы едем по асфальтированному шоссе. Но вот машина сворачивает на проселочную дорогу. По обе стороны лес. Настоящая чаща. Мое воображение рисует страшные картины. Позже Прасковья Павловна мне расскажет, сколько ребят, да и взрослых погибли или были искалечены «следами войны». Лес был наспигован минами и не разорвавшимися снарядами. Мужики пытались выплавить взрывчатку. Для рыбалки. И часто становились инвалидами. А то и погибали.

Меня подбрасывает как мешок. Зубы лязгают.

– Что, милочка, растрясло? Пойдешь в кабину? – смеется тетка. Сама-то она плотно сидит на запасном колесе. С её килограммами ухабы не страшны. Я гордый: «Еще чего?»

Так и доехали. Зубы я сохранил. Но и сохранил в памяти на всю жизнь эту дорогу. Пойдут года, и я с милой усмешкой буду вспоминать то лето. Дорогу по лесу. Избу тети Прасковьи. Наши с ней походы на луг на дневную дойку коровы Звездочка. Баню по-черному. Как я был удивлен тому, что черные от сажи стены не мажутся. Секрет прост. В огонь крестьяне бросали яичную скорлупу. Вот вам и казеиновая темпера. Приобщился я четырнадцатый мальчишка к самогоноваренью. Там, за околицей у старой весовой меня впервые поцеловала девочка. Деревенская девочка. Как она пахла! Осенью того же года я целовался с городской девочкой. Чем только от неё не пахло. Но не было в её поцелуе той свежести. Не было запаха молока и луговых трав.

Это была единственная поездка в деревню. Моя первая и последняя крестьянская практика. Я научился косить, стоговать. Я ловко запрягал лошадь.

Все это мне пригодилось, когда после первого курса нас направили «на картошку». Все гнули спины на поле. Я косил овес с викою. Позже уже в утренних туманах вывозил ту самую картошку в картофелехранилище. Хватало сил одному забрасывать двуручные корзины на повозку, а потом перетаскивать их в хранилище, утопленное в землю на полтора метра.

Один раз мне пришлось две недели ходить в городской лагерь отдыха для детей. И, представьте себе, о нем у меня самые лучшие воспоминания.

Сейчас те, кто горазд, поносить советскую власть, слыша мои отзывы об этих лагерях, озлобленно реагируют: «детские городские концлагеря». Бог им судья.

У каждого своя память, но приметы времени они объективны. Другое дело как их трактовать.

Отпуск Виктора Ивановича и его жены Ольги

– Я буду волноваться. Как там дочка? – начала разговор Ольга, как только они устроились в купе поезда.

– Нет причин для волнения, дорогая. Забыла, в каком лагере Света?

– Не забыла. Моя милиция меня бережет.

Слушавшая разговор соседка по купе насторожилась. Её сын пять лет проел в лагере. Не пионерском. Она тишком ощупала зашитые в пояс юбки деньги.

– Я лично говорил с начальником лагеря. Он обещал осуществлять над Светой особый надзор.

«Точно! Их дочь убийца», – трясется соседка, – «Яблоко от яблони не далеко».

Соседка порывается покинуть купе, но заглядывает проводник.

– Билетики, пожалуйста, и за белье денежки прошу.

«Попросить её поменяться с кем-нибудь?».

– Товарищ, – обращается к соседке проводник, – у меня супружеская пара в разных купе. Вы не согласились бы перейти в другое купе. А тут две пары как раз поедут.

Соседка подхватила свой чемодан, откуда столько прыти, и вышла из купе за проводником.

Виктор услышал, как она шептала проводнику: «Подозрительные они. У них дочь в лагере». Но что проводник женщина отвечала.

– И у меня дочь в лагере. Наверное, они захотели побыть одни. Дело-то молодое.

Пара, переместившаяся оказалась настолько компанейской, что поезд не успел еще покинуть пределы Ленинградской области, а они уже устроили пир.

Время подходило к ночи, когда Паша и Саша, наконец, решили улечься спать.

– В коридор выходят мальчики, – командует Саша.

Мужчины прошли в тамбур. Покурить. Паша под действием алкоголя разговорился.

– Мы с Сашей поженились три месяца назад. Работаем вместе. Я её раньше не замечал. А когда она выдала такое, я стал приглядываться к ней. Я токарь. Она работает на фрезерном станке. Кстати она одна у нас в бригаде. Девушки у нас в основном работают на револьверных станках.

Виктор слушает попутчика, а сам соображает, до какого числа они с Олей смогут пробыть на море. И дело не в том, что они не Рокфеллеры. Дело в том, на сколько хватит шариков.

Если бы Виктор Иванович более внимательно слушал Павла, то он бы узнал, что такое учудила Александра. А «учудила» Александра рациональное предложение. Да, такое, что поначалу БРИЗ ни за что не хотел признавать его таковым. Что такого особенного – приделала маленькое зеркальце позади самой фрезы. Это резко сократило то время, что фрезеровщик тратил на контроль над точностью изготовления детали. Секунды сэкономишь на детали, а за смену минуты. Минуты, это перевыполнение плана. Перевыполнение плана, это звание ударника труда, почет и уважение. И премии, естественно. Примета времени.

Мне рассказывали, и этим людям я верю, что японцы переняли у нас опыт социалистического соревнования: «Представляете, своими глазами видел вымпелы на рабочих местах и табло, где отмечалось, кто передовик, кто отстаёт». Так ответственный работник ВЦСПС говорил мне.

Виктор и Ольга были рады, когда их попутчики Паша и Саша сошли с поезда. Те, кто заняли их места, были людьми в возрасте и молчаливы.

Сочи приняло новых отдыхающих проливным дождем. На море шторм.

– Это хорошая примета, – успокаивала скорее себя, нежели мужа Ольга.

Виктор думал о своем: «В такую погоду лучше пройдет акклиматизация для неё». Тревога о жене не покидала майора в запасе. Он, как опытная медсестра следил за её режимом. Вовремя прием таблеток, в положенное время завтрак. С обедом было труднее. Обедали супруги в столовой. А там очередь.

Удавалось Виктору Иванову выкроить денег и на южную «экзотику» – чебуреки, шашлыки и люля-кебаб. Вспоминая чебуреки из заведения общепита в Ленинграде, Виктор отмечал, что тут они ничуть не вкуснее.

Две недели супруги наслаждались морем, солнцем и, чего скрывать, близостью. Дома их интимная жизнь осложнялась тем обстоятельством, что дочка спала через тонкую стенку, результат переделки жилья самим Виктором.

Ольга подружилась с хозяйкой дома, где они квартировали. Молодая армянка Ашхен часто смеялась, много говорила.

– Мы с мужем счастливые. Трое мальчиков. Скоро девочку начнем делать, – откровенничала она, – Вам бы тоже родить.

Ашхен только Ольге разрешала собирать в саду абрикосы.

– Ты ешь. Но больше никому не давай. Я не богатая. Мне деньги копить надо на машину. Не все же на себе таскать мешки на рынок.

Оля, как человек деликатный, десять абрикосин в корзину, одну в рот себе. Это заметил один из отдыхающих: «Воруете? Вам хозяйка доверила сбор фруктов, а Вы её доверие не оправдали». Такое подозрение сильно расстроило Ольгу. Так сильно, что к вечеру у неё поднялась температура.

«Я убью его. Подонок, как он мог так говорить об Ольге?», распалял себя Виктор. Ашхен же вместо того, чтобы попусту тратить силы, принялась ухаживать за Ольгой. Поила её кизилевым компотом. На лоб клала смоченную тряпицу. И все время говорила, говорила. Так. Ничего серьезного. Попросту говоря, болтала. А мужу Ольги она строго сказала.

– Пойди к морю. Оно тебя успокоит. Сильно ты горяч. Прямо как мой Карен.

Карен, муж Ашхен, в эти дни торговал кое-чем в на рынке в Адлере. Там, по его мнению, цены выше.

Виктор послушался Ашхен. Вечернее море спокойно. Шелестит накатом галькой. На горизонте как будто застыл на месте круизный лайнер. Идет издалека. От Одесского порта до порта в Сухуми, его путь.

«Вот бы нам с Олей так», мечтает взрослый мужчина, как мальчишка.

На Юге темнеет быстро. Зашло солнце за гору, и берег накрыла темнота. Спасибо ночному светилу Луне. По узкой извилистой дорожке поднимается Виктор к дому Ашхен. Как там жена?

А жена спит.

– Прогулялся, дорогой? Оля спит. Температура нормальная. Я тебе по секрету скажу. Беременна она.

– Откуда знаете?

– Я до того, как за Карена пошла, работала акушеркой, – таков был ответ молодой армянки. За ним последовали другие слова, – Она будет спать до утра. Пошли на море. За день так намаялась, вся вспотела.

Непосредственность Ашхен не смутила Виктора. По той же дорожке, Виктор впереди, Ашхен за ним, они спустились к морю. От горизонта до берега протянулась фосфоризирующая дорожка. Луна полная. Море спокойно. Загляделся на эту картину Виктор Прозоров. Вспомнил картины Айвазовского: «А ведь он армянин», вслух сказал.

– Кто армянин?

Оборачивается Виктор. Ступор. Перед ним обнаженная Венера!

О том, что произошло потом, я не хочу рассказывать. Дело это сугубо личное.

Приведу лишь слова, которыми Ашхен проводила Виктора спать: «Забудь и я забуду. Но с тобой мне было хорошо».

Кто посмеет осудить их?

Две недели прошли быстро. Часто употребляют глагол «пролетели». Я бы не стал так говорить. Супруги, особенно Оля, буквально смаковали каждый день. Что день? Каждый час: «Наслаждайся, Витя. Когда нам придется побывать тут еще раз».

Муж внимательно приглядывается к жене. Как Ашхен смогла определить, что Оля беременна?

К вечеру жара спала. С моря задул легкий ветерок. Порывшись в памяти, сухопутный офицер вспомнил, как называется такой ветер. Бриз. Хорошо в такой вечерок прогуляться по берегу. Мелькнула такая мысль у Виктора. Но тотчас в мозгу переключился какой-то рычажок, и он напомним недавнюю прогулку к морю с Ашхен. И Ольга не просит.

– Послезавтра, Витя уезжаем, – полувопросом говорит Ольга, – Как море убаюкивающе шумит. Искупаться бы, но я боюсь. Ашхен сказала, что ночью пограничники могут арестовать.

«Ах, эта Ашхен», усмехается про себя Виктор, «меня она пограничниками не пугала».

Супруги Прозоровы решили просто посидеть в саду. Магнолия одурманивала. Кипарис где-то высоко наверху устремлял пику своей верхушки в небо. Смоковница тяжело роняла свои перезревшие ягоды. Из инжира муж Ашхен будет гнать самогонку. Лавр вызывал у северян память о кавказской кухне и разыгрывался аппетит.

– Тут, как в Раю, – шепчет Оля, положив голову на плечо мужа.

– Точно. Сейчас змей спустится с дерева и угостит тебя яблочком.

– Не хорошо так говорить о святом.

Майор в запасае от удивления даже отпрянул.

– Ты чего это, Оля. Я член КПСС. Ты была комсомолкой и такие речи.

– Ну и что. Сталин твой любимый во время войны, когда немцы подошли к Москве так близко, что в бинокль Кремль можно было разглядеть, приказал на самолете с иконой Казанской Божьей Матери облететь Москву.

О том, что якобы по приказу Верховного Главнокомандующего самолет с иконой, только не Казанской Божьей Матери, а Богородицы Девы Марии «Тихвинской» облетал Москву в 1941 году, я узнал с экрана телевизора где-то в начале уже следующего века. Откуда об этом узнала Ольга, мне не известно.

А вот какую историю о том, как по приказу Сталина 8 декабря 1941 года на американском «Дугласе» был совершен облет Москвы с иконой Богородицы Девы Марии «Тихвинская», услышал от главного участника события маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова, писатель Николай Блохин. Так она выглядит в его изложении: «Было это летом 1952 года. Мой отец работал мастером-наездником Московского ипподрома. В один из дней на конюшне собрались шесть любителей бегов: мои родители, маршал Голованов, генерал-полковник Михаил Громов, Василий Сталин и я. Сын вождя командовал военно-воздушными силами Московского военного округа, был генерал-лейтенантом. Но на конюшне все его звали Васькой. Он подтвердил рассказ главного маршала авиации. Александр Евгеньевич Голованов рассказывал, что, мягко говоря, удивился, когда услышал приказ Верховного. Была жуткая метель – в нескольких метрах ничего не видно. Возник резонный вопрос: «Нельзя ли перенести полет?». Но Сталин сказал, что погода очень хорошая, а станет еще лучше. И произнес необычную загадочную фразу: «Варлаам Хутынский, как уже устраивал, так еще устроит».

Дела давно минувших лет...

– Откуда ты набралась этой чепухи? – Виктор взгляделся в лицо жены. Вгляделся и что-то особенное увидел. Грешно винить её, если даже она ходит в церковь. При её болезни и не туда пойдешь.

– Ты не ругай меня, Витя. Я в церковь стала ходить. Страшно мне было.

– А теперь не страшно? – смягчил тон муж.

Где-то в горах прогремел гром. Ашхен высунулась из окна.

– Полуночники, шли бы вы в дом. Слышите, гремит. Не дай бог опять сель сойдет.

Виктор не услышал ответа жены. А она хотела сказать о своем новом состоянии. Самой Ольге Ашхен не открылась, что знает о её беременности. Предрассудок? Да. Но так оно и было.

Гроза прошла высоко в горах, на этот раз, не принеся городу Гагры катастрофы. А то бывало, сель смывал стоящие в истоке реки Гагрипш строения.

Последний день пребывания Виктора и Ольги на побережье Черного моря выдался пасмурным. Хотя и не было дождя, но вода в море бурлила, перемешивая донные холодные массы с верхними. Потому местные жители не купались.

Оля тоже отказалась идти в воду. Судя по всему, женщина уже чувствовала себя обремененной плодом. Виктор, как и многие другие смельчаки, полезли в воду. Волнение в два балла, а им нипочем.

Вошли в море четверо, а вышло трое.

Тот третий был один на пляже и потому, что его нет, спохватились поздно. Бурового мастера из далекого северного Уренгоя так и не нашли. Море поглотило свою жертву.

Помню, как пестрели страницы газет словосочетанием – Уренгой-Помары-Ужгород.

Трубы с двухслойным полиэтиленовым покрытием для него частично поставлял комплекс трубоэлектросварочного цеха №2 Харцызского трубного завода. Крупнейшего в Европе по производству газонефтепроводных труб диаметром 1220 и 1420 мм на рабочее давление 7,5. Эти данные я почерпнул еще тогда, в начале восьмидесятых годов двадцатого столетия.

Когда мне пришлось отдыхать неделю в Гаграх, там тоже было много отдыхающих с нашего великого Севера. Но тогда никто не утонул. Но привычка «широко гулять» у северян осталась. Такая примета времени.

– Я хочу быстрее домой, – хнычет, всегда выдержанная жена офицера запаса.

– Оля, я быстрее самолета тебя в Ленинград не доставлю.

«Интересно, какой у неё срок?», не ради праздного любопытства задается вопросом Виктор. У него на исходе гомеопатические шарики. В больших сомнениях пребывает муж насчет беременности своей жены. В очень больших...

Отчего так? Это их с Ольгой дело. И дело это сугубо личное.

Автобус до аэропорта в Адлер едет долго и мучительно. Крутые повороты. Крутые откосы. Тут и здоровый человек стушется. А что говорить о хрупкой и не совсем здоровой женщине. Дважды шофер автобуса, уса́тый грузин останавливал машину. Когда в третий раз Оле стало плохо, он выразился вполне определенно: «Беременным надо ездить на электричке, а то другой пассажиры на самолет опаздывать станут».

А Ольга думала об одном – это так болезнь проявляется. Мне доехать бы до дома, а там уж и умереть. А еще она подумала: «Сколько бога не моли, а жизнь сильнее его».

Виктор сжимает кулаки: «Я этому нацмену рожу-то набил бы. Если не нужна попасть в аэропорт».

Я встречаюсь с Виктором Ивановичем, когда ему будет шестьдесят лет. Что для мужчины шестьдесят лет? Зрелость. Так я рассуждаю сейчас, когда мне самому шестьдесят. Старик?

Старик. Но как он выглядел. Опустившийся, неопрятно одетый, не бритый и дурно пахнущий тип. Вот его облик.

Но больше всего меня поразило его поведение.

Август восемьдесят девятого. Общество буквально пропитано чувством вседозволенности, которую лжедемократы называют свободой. Как-то еду по одному из проспектов города, он не из центральных, но достаточно нагруженный автомобильным движением. Что ни километр вывеска – «шиномонтаж». А салоны видеопроката? Мало ли таких примет того времени?

Затеянная выходцем из Ставрополя названная им перестройка, а, по сути, развал страны выходила на «финишную прямую». НИИ, где я служил почти тридцать лет медленно, но верно разваливалось. Точнее, его разваливали люди из Москвы. Я не желал быть выброшенным «из кресла» и потому загодя готовил себе «пути отхода». В то утро я ехал в Инженерный Замок. Точнее в организацию, которая тогда еще размещалась в нем.

Увидел Виктора Ивановича одиноко сидящим на садовой скамье на Каштановой аллее, ведущей к входу в последнее убежище императора Павла.

Он грустно глядел на скульптуру прадеда убиенного императора Павла Первого. Его руки скорее рабочего, нежели учителя были опущены между колен. Плечи опущены. Скорбь и немощ читались в его облике. Меня ждали в Инженерном Замке, но я не мог пройти мимо моего бывшего учителя.

– Что Вам от меня надо? – агрессивно ответил Виктор Иванович на мое вполне радушное приветствие.

Извинившись, сам не зная за что, я поспешил. Меня ждали в Инженерном замке. Переговоры о моем предполагаемом переходе на службу сюда не состоялись по причине отсутствия стороны визави. Посетовав на неисполнительность товарища (еще пока товарища), я вышел из двора замка. Все также скакал куда-то прадед владельца Замка. Все так же блестел олоонецким мрамором постамент. Бартоломео Карло Растрелли может спать спокойно – творении его пережило блокаду Ленинграда и как прежде украшает город.

Постоял у памятника. Прочел, в который раз, – «Правнук прадеду». Возвращаться в свой НИИ нет никакой охоты. Есть большое желание крепко выпить. Но где?! Этот молоканин позакрывал все значные места. А спиртное хрен купишь просто так.

Отрындели телевизоры выступлениями на съезде народных депутатов. Отбарабанили касками шахтеры. И что они требовали? Сорок три пункта и один хлещи другого. Мне запомнились три из них: Предлагаем Верховному Совету СССР пригласить в страну экономиста Леонтьева В. В. для разработки конкретной экономической модели выхода страны из экономического кризиса. Предоставить полную экономическую и юридическую самостоятельность шахтам. И особенно «оригинальный» – дисциплинарный устав отменить и ликвидировать ПДК (постоянно действующие комиссии по технике безопасности).

Мало кто знал тогда кто таков этот американец русского происхождения. Так откуда о нем узнали шахтеры? Кто им подсказал это?

И будет создан Леонтьевский центр в Санкт-Петербурге. Читай, центр по развалу народного хозяйства СССР.

Виктор Иванович сидел на садовой скамье все в то же позе. Я, было, решил пройти мимо, памятуя его нелюбезный ответ, но он окликнул меня.

– Я вспомнил, кто Вы. Вы из моего класса. Все вы бездари отличники. Вы свои пятерки попой высиживали, – злоба нарастала. Мне стало не по себе. Я никогда не был «круглым» отличником. Слыл в школе проказником. Уйти я не мог. Так сказать, воспитание не позволяло. Единственное что я себе позволил, так это отсесть от бывшего учителя литературы, А он продолжал распаляться, – Видите, правнук прадеду памятник поставил. Фига с два. Растрелли его сделал еще при Петре, – я поражался его эрудиции и при этом его облику и той озлобленности, что так не свойственная была прежнему Виктору Ивановичу.

Прошла группа молодых людей. Громко говорящая и шумная. Обычные парни и девушки. Не такими ли мы были в их годы?

– Вы видели? – Виктор Иванович выбросил вперед руки со сжатыми кулаками, – Эти мать родную готовы продать за бутылку американского пойла.

Мне стало немного жалко его. Пораскинув мозгами, решил, а он правильно мыслит. Неожданным был переход его речи.

– Вы что сами-то пьете? Или Вы московский трезвенник пьете только воду? – в этот момент он противно рассмеялся, – Все вы импотенты.

Бывший учитель, а то, что он бывший у меня не было сомнений, резко встал.

– Страна импотентов. Ничего не можете! – и сразу опять переход. Тихо и мирно спрашивает, – У Вас на бутылку не найдется? Я отдам.

Поразительно! Десять минут назад я сам желал выпить, но не знал, где купить спиртное.

Вытащил деньги из портмоне. Руки Виктора Ивановича задрожали.

– Давайте быстрее и сидите тут. Я быстро, – вырвал у меня деньги и трясущимися походкой пошел в сторону Фонтанки.

Пока я жду Виктора Ивановича из 1989 года, вернемся в год шестьдесят четвертый.

В самолете Ольге опять стало плохо. Виктор ни бельмеса не смысливший в медицине, списывал эти приступы на беременность жены. Все прояснилось дома. Врач скорой помощи коротко и емко сказал: «У Вашей жены сильней токсикоз. Но не от беременности, коей у неё нет. Рак четвертой стадии. Своей поездкой на Юг вы стимулировали процесс».

Умирала жена в больнице. Сжалились над майором в запасе и положили Ольгу в госпиталь: «Дружище, мы таких больных не берем. Но ради нашей дружбы твою жену возьму», сказал бывший военный медик, и добавил: «Одно могу, облегчить её страдания. Наберись мужества».

Дождь лил три дня. Отправив Свету к тетке в поселок Лисий Нос, Виктор Иванович почти поселился в госпитале. Ольга то впадала в беспамятство, то приходила в себя. Но ненадолго. Боль одолевала женщину, и она почти теряла рассудок.

– Ты с ней все равно говори, – советовал знакомый врач.

Виктор и говорил. Спроси его потом, о чем он говорил с женой, он не ответит. Одно он знает точно, перед тем как его Оля перестала дышать, он почувствовал легкое её рукопожатие.

Хоронил жену майор один. Даже дочку не повез на кладбище. Его спрашивали некоторые: «А друзья Ольги?» И он отвечал: «Не видел я друзей у койки моей жены». Оставим это на совести Виктора.

Когда гроб с телом Ольги закрыли, и рабочие были готовы опустить её в могилу, майор достал пистолет. Мужики в оторопи остановились, решив, что убитый горем муж застрелится.

– Продолжайте! – приказал Виктор и добавил, – С собой кончать, не намерен.

Три выстрела вспугнули кладбищенских ворот, и громкое их карканье огласило окрестности.

– Ты настоящий мужик, – одобрили кладбищенские рабочие несанкционированный властями салют.

«Всю жизнь буду проклинать себя за этот отпуск на Черном море», сверлило мозг Виктора.

Свете не пришлось врать и выдумывать разные сказки. Она просто и как-то по-взрослому сказала отцу.

– Мама умерла. Теперь, папа, ты старший, а я хозяйка. Я справлюсь.

В конце шестьдесят пятого года я, будучи уже студентом первого курса Ленинградского кораблестроительного института, впервые в жизни пережил смерть близкого нашей семье человека.

Воспринимать его, как личность, я стал лет в восемь. Петр Авдеевич был частым гостем в нашем доме. Взрослые позволяли мне сидеть за столом во время их трапезы. Поедая любимые мной мамины пирожки с маком, я во все уши слушал беседы отца и Петра Авдеевича. Как правило, больше говорил гость.

– Со смертью Сталина ушла эпоха. Эпоха собирания земель русских, эпоха созидания и победоносных битв. Вспомним семнадцатый съезд ВКП, б. Он вошел в историю, как «съезд победителей».

Это один пример тех речей.

Отец более подробно рассказал мне о своем товарище, когда я получил паспорт. Семь лет назад состоялся двадцатый съезд КПСС. «Развенчан» культ личности Сталина. Подняли голову те, кому поперек горла время правления его.

Прокручивая «ленту» памяти назад, я отчетливо осознаю, что отец мой никогда не был рыняным сторонником Иосифа Сталина. Но так же отчетливо я помню его слова: «Кому, кому, но не Никите вчинять иск Сталину о репрессиях. На себя бы взор обратил».

В новом веке будут опубликованы данные о деяниях Никиты Хрущева, и на Украине, и в должности Первого Секретаря ГК КПСС Москвы.

Вернусь к товарищу отца. Отец ушел на войну лейтенантом и вернулся капитаном, командиром роты саперов.

– С Петром Авдеевичем я познакомился при весьма неприятных для меня обстоятельствах. Это случилось в сорок третьем году. Моему подразделению поставили задачу по разминированию на участке предстоящего наступления наших войск. Бойцы отработали, и я доложил, что проходы свободны. Но, как говорится, человек предполагает, а начальство располагает. А еще эффект испорченного телефона. И начали наступление на другом участке. Меня объявили диверсантом. Тогда я и познакомился с Петей. Был он офицером СМЕРШ. Спасибо ему, не стал рубить с плеча. Разобрались, и в штрафбат пошел тот, кто неверно доложил командованию».

Отец не уточнял, где именно это было. Но, соотнеся все фаты с Историей Второй войны, книгу купил «по случаю» на какой-то конференции, я с большой долей вероятности мог предположить, что это было августовское наступление войск Калининского фронта.

О смерти дяди Пети, так я называл бывшего контрразведчика, я узнал после сдачи зачета по начертательной геометрии. По секрету от мамы скажу, эту чертову начерталку я сдавал три раза. Как же не отметить с друзьями такое событие? Но и маму надо уважать. Звоню из телефона-автомата.

– Дядя Петя умер. Отец просит тебя приехать домой.

Как так? В субботу Петр Авдеевич был у нас в гостях. Как хорошо он пел. Еду в автобусе. Окна заиндевели. Дыханием делаю оконце. Темнота накрыла город. «Там также темно», приходит в голову мысль. «А холодно ли так ж?», Совсем дурацкий вопрос.

Но самое впечатляющее для моего молодого организма произошло на кладбище. Земля успела промерзнуть и рабочие не успели вырыть могилу.

Автобус с черной полосой по бортам приехал. Товарищи Петра Авдеевича вынесли гроб. А могила-то не готова. Впервые я видел отца в таком гневе. Никогда он не ругался, во всяком случае, при мне, матерно.

Потом, после традиционных ста грамм он мне скажет: «Так сын иногда приходилось посылать бойцов на вражеские минные поля».

На этом я оставляю убитого, но не поверженного горем Виктора Ивановича и обращаюсь к одному из героев моего романа.

Анатолий Пospelов

1965 год

– Мать! – зовет Иван Иванович Пospelов жену, держа в вытянутой руке лист размером в обыкновенный лист, – Наш сын зрелым стал. Ты заметила?

– Я заметила, что вы оба завтракать хотите, – мама Анатолия у плиты что-то варит.

– Оно так. Но вникни. Я полковник. Всю войну прошел, а такой бумаженции не получил. Выходит государство не считает меня зрелым.

Иван Иванович любит шутить. Но верно говорят: в каждой шутке есть доля правды.

Зрелость в науке понимается, как достижение человеком определенного уровня самосознания и принятия ответственности за свою жизнь. Это и успешная профессиональная самореализация и способность гармоничных отношений со значимыми другими. Говоря коротко, зрелость, это отношение к самому себе, отношения с другими и связь с миром в целом. Можно ли с уверенностью говорить, что полученные в школе знания гарантируют все вышесказанное? Вряд ли.

Анатолий не слышит реплики отца. Он в это время бежит во дворе. Утренняя пробежка. Один раз решив, держать себя в форме, он не отступает от этого решения. На дворе дождь? Ну что? Толя все равно «нарежет» пять кругов. Это выверенная дистанция. 2000 метров. Потом будут подтягивания на турнике, из-за которого Толя выдержал настоящую битву с мамой. Доходило до сердечных приступов. У Валентины Ивановны стенокардия. Отец обладал хорошим здоровьем.

По радио начали передачу «Пионерская зорька», когда семья села завтракать. Единственный выходной день семья Ивана Ивановича Пospelова начинала с совместного завтрака. Так повелось еще тогда, когда была жива бабушка. Мама Валентины Ивановны.

Суббота станет выходным через два года.

7 марта 1967 года ЦК КПСС, Совет Министров СССР и ВЦСПС приняли постановление «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями».

Суббота в Союзе официально стала нерабочим днем.

Я хорошо помню пересуды «вечно» недовольных советской действительностью брюзжащих людей: «теперь мужики совсем сопьются».

А пили в СССР меньше, чем в соседней Финляндии. Я проходил практику в июне шестидесяти седьмого. Был у нас «горячий» цех. Так там рабочим в обеденный перерыв в буфете продавали водку. Не больше ста грамм. Но продавали же. И пьяных не было.

Тоже своеобразная примета времени.

– Поели? Попили? – спрашивает мама.

Муж и сын кивают головами. Они знают, что последует, и без лишних вопросов выбрасывает пальцы. Эта игра называется «на морского», Выпало мыть посуду сыну.

– Привыкай, Толя. В армии не только посуду придется мыть.

– Намекаешь на галюн?

– Отец, о чем ты говоришь? Анатолий будет поступать в институт. Так ведь, Толя? Куда ты подал документы?

Толя подал документы. Но не в ВУЗ, а на завод. Завод «номерной». Работает на оборону.

– Я на завод иду работать.

Валентина Ивановна закрыла лицо руками.

– Отец! Ты слышишь, что говорит наш сын.

- Не глухой, – полковник Пospelов вышел на балкон покурить.
- Ты так равнодушно относишься к этому?
- Напротив. Я горжусь своим сыном. Теперь я верю, что он зрелый мужчина.

Так с одобрения отца и при великом разочаровании матери, Анатолий Пospelов стал учеником слесаря-сборщика на заводе № N.

В июне ярко светило солнце. По статистике в июне в Ленинграде больше всего солнечных дней. Поверим.

Народ в субботу уезжает загород. Кто на дачу, кто в поход с ночевкой.

У полковника Пospelова своей дачи нет. Пока нет. Вот выйдет в запас, назначат ему военную пенсию и по правительственному постановлению разрешат поострить дом за городом. А пока он с женой, а раньше с сыном иногда ездит на дачу к бывшему сослуживцу. Они с ним воевали. Как говорил товарищ, «ломали войну вражину».

Пока я рассказывал о преимуществах службы в СА офицером, погода испортилась. Задул северо-западный ветер. Небо затянули тяжелые тучи. Если днем температура наружного воздуха была двадцать три градуса по Цельсию, то к вечеру её «выдул» ветер на всего-то тринадцать. Какие сосуды выдержат?

Валентина Ивановна страдала стенокардией. Чуть изменится погода, она валидол под язык.

Если бы одна погода. Сын добавил волнений. В школе все учителя хвалили. Особенно литератор хвалил: «У Вашего сына отличные знания грамматики, синтаксиса. Но главное, у Анатолия отменный слог». Вот и поступал бы в Университет. Глядишь, и журналистом стал. Мир бы посмотрел. Такие мысли посещали маму Толи.

– Довольно! – громко говорит Иван Иванович, в очередной раз, успокоив жену, – В субботу домой придеешь пораньше. Поедем на дачу к Лёве. Он давно приглашает.

Лева. Это Лев Родионович Груздев, бывший полковник советской армии, одно время служивший вместе с отцом Толи Пospelова. Он воспользовался возможностью, предоставленной Правительством и построил дом недалеко от Ленинграда, в поселке Горская.

Анатолия родители не приглашали. У молодого человека может быть личная жизнь. Это позиция отца, а мать молчит. Не хочет перечить мужу женщина. Толя сам напросился: «Что я рыжий? Я тоже хочу в бане попариться». Дело в том, что на участке Льва Родионовича есть баня. Настоящая русская баня. Более того. Рядом есть пруд. Во время войны тут упала бомба крупного калибра. Образовалась воронка. Постепенно она заполнилась водой – так «удачно» попала бомба. Прямоиком на родник.

Как хорошо после парилки бултыхнутся в холодную воду пруда.

– Мужчина решил, мужчина сделал. Одобряю, – как-то невпопад выразился Иван Иванович на просьбу сына взять его с собой в поселок Горская на дачу к товарищу отца Льву Родионовичу Груздеву.

Анатолий заметил, отец приехал со службы позже обычного и немного под шафе.

– Сын, – с протяжным «ы» сказал отец и замолчал. Толя ждал. Минуту ждет. Но сколько можно ждать?

– Что, папа? – спокойно скрашивает сын.

– Не груби, – все также замедленно говорит Иван Иванович.

– Я не грублю, – также спокойно отвечает сын. Ему бы просто помолчать. Видно же, что полковник выпил.

– Грубишь, – упорствует отец. Хорошо, вмешалась мать. А то и до ссоры дошло бы.

– Иван, ты обещал.

– Обстоятельства, мой генерал, – Иван Иванович подобрался и стал говорить нормально.

– Сам учишь, нет обстоятельств. Есть люди, оправдывающее свое слабование и лень.

– Точно, мой генерал, – у Ивана Ивановича настроение веселое, – Я человек дела. Но обстоятельства имеют место присутствовать. Пойду спать.

А жена подумал: «Не назначение ли Микояна пост Брежнева они отмечали?» Так шутит Валентина Ивановна и ведет мужа в спальню: «Ничего, до субботы оклемается. На дачу хочу к Лёве. В баньку его».

15 июля 1964 года Хрущев поставил на место второго секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева. Знал бы он, что всегда улыбающийся Брежнев скоро станет во главе заговора против него. А как Леонид Ильич славословил Никиту Сергеевича в апреле, когда прицеплял тому звезду Героя СССР?

В мае того же года Хрущев от щедрот своих присвоит звание Героя Советского Союза Президенту Египта Гамаль Абдель Насеру и маршалу Абдель Хаким Амеру. Позже мы узнаем, как Герой Советского Союза расправится с компартией Египта.

Приметы времени...

Иван Иванович утром следующего дня, а это был четверг, вышел к завтраку с видом нашкодившего щенка.

– Мать, – говорит он и не смотрит ей в глаза.

– Что, мать? Ты с такими обстоятельствами меня в могилу сведешь.

– Прости меня, Валя.

– А я на тебя, Ваня никогда не обижаюсь. Муж ты мне.

Анатолий в этот момент как раз развернулся с пробежки и слышал разговор родителей. Хорошая школа семейных отношений.

До субботы Иван Иванович не пил ни капли. Хотя и «обстоятельства» имелись. Товарищ увольнялся в запас.

– Жене обещал, друг мой, – объяснил товарищу Попову Иван Иванович.

Друг понимающе кивает головой. Жена для офицера больше чем жена. Она соратник. Она сестра хозяйка и медсестра, если нужно будет.

– Понимаю. Месячок отдохну и пойду в военкомат, просить найти мне работу на гражданке.

И он пойдет, и ему найдут работу – начальником отдела кадров в НИИ, где я буду работать сначала младшим научным сотрудником, потом старшим, а позже и руководителем его. Но сие будущее. А пока я МНС.

Оформлять на работу меня будет тот самый офицер. О том, что он служил с отцом Толи Поспелова, я узнаю случайно.

Апрельский Ленинский субботник. Год 1972-ой. Накануне я сдал кандидатский минимум. Как не отметить?

В день рождения Ленина мы автобусом поехали на овощебазу. Настроение в коллективе прекрасное. По результатам первого квартала нам обещали выдать премию. Те из нас, кто был постарше и обременен семьей, тот копейку экономил. Мы же молодые и немного бесшабашные в счет предполагаемой премии решили после субботника устроить сабантуй. Не было среди нас, ни татар, ни башкир, но другого названия тому, что мы решили устроить, никто не нашел в русском языке.

Упаковка картофеля в сетки дело нехитрое. Но пыльное. Обчихаешься.

Немного усталые, немного испачканные, но жутко довольные собой мы обратились к руководству склада с просьбой организовать стол в подведомственном ему помещении.

– Мне-то что. Располагайтесь. Вы не мои рабочие. Им я запрещаю пьянствовать тут. Вы ученые. У вас свое начальство.

Тем начальством и был товарищ Попов. Он не только разрешил устроить пикник в помещении, но и сам присоединился к нам.

Дабы не размазываться по дереву, перейду сразу с ходу сабантуя. Наш местный тамада Игорь Кралин после двух, трех рюмок предложил слово мне.

Горазд был я прилюдно поговорить. Недаром учитель литературы Прозоров Виктор Иванович отличал мой слог.

Не успел я перевести дыхание после спича, как одна девушка из числа находящихся в вечном поиске своей половинки, воскликнула: «Браво, Пospelов! Я готова пойти за тебя».

В те дни мои думы были о Елене, с которой я только познакомился. Но чертик что во мне, подвинул меня ответить в тон девушке: «Премию получим. Скинемся и свадьбу отгрохаем».

В этот момент и проявился, ранее молчавший товарищ Попов.

– Товарищ Пospelов, Ваш отец не одобрил бы Ваш выбор.

Компания примолкла. За товарищем Поповым ходила слава человека «оттуда». Имеется в виду Большой дом.

Для людей, не знающих, какой особый смысл несет словосочетание «Большой дом», поясню.

Дом №4, который спроектировали три архитектора – А. И. Гегелло, Н. А. Троцкий и А. А. Оль, изначально предназначалось для Ленинградского Управления НКВД. Монументальное, построенное в актуальном на тот момент стиле конструктивизма, здание Большого дома выходило сразу на три городские магистрали. Общие коридоры и переходы соединяли его с соседним зданием – №6, и со старой царской тюрьмой «Шпалеркой», ставшей Домом предварительного заключения. Переход между Большим домом и «Шпалеркой» в народе называли «мостик вздохов». Согласно неписаному тюремному «этикету», при встрече заключенных в этом коридоре одного из них конвоиры останавливали и поворачивали лицом к стене, чтобы избежать любого контакта. Тихие вздохи были единственным способом для заключенных показать свое присутствие.

В те годы, о которых идет речь, там было Управление КГБ СССР по Ленинграду и Ленинградской области.

Такое мое отступление.

С овощехранилища мы уходили «по одному». Сначала ушла пара, о которой в институте судачили все. Они любовники. Наиболее рьяные поборники нравственности предлагали обсудить и осудить их на профсоюзном собрании.

От себя замечу, песню Галича «Товарищ Парамонова» скоро будет петь вся «передовая часть интеллигенции»

Я слушал эту песню с двойственным ощущением. Много раз мне приходилось участвовать в партийных и профсоюзных собраниях, но ни разу не наблюдал, чтобы хотя бы один человек покидал собрание ради сарделек в буфете: «Ну, как про Гану – все в буфет за сардельками, Я и сам бы взял кило, да плохо с деньгами, А как вызвали меня, я свял от робости, А из зала мне кричат – давай подробности!»

Последними за ворота с вывеской «Овощебаза №5» я выходил с товарищем Поповым...

В гости ко Льву Родионовичу Груздеву вся семья поехала вечером в субботу. Иван Иванович мог бы в поселок Горская поехать в гости к другу и на служебной машине, но он считал, машина дана ему командованием для служебных поездок. Исключительно для служебных. И точка!

Предусмотрительная Валентина Ивановна взяла в дорогу термос с горячим чаем и бутерброды с сыром. Пускай, дорога не так долга. Но она знает, как только сядут в поезд, у мужчин проснется аппетит. Не успели выехать за городскую, черту как Толя мечтательно произнес: «Хорошо бы сейчас выпить чашечку чая».

Твой час, мама Валя!

Как вы думаете, сколько времени потребуется для опорожнения двухлитрового термоса и поглощения девяти бутербродов с сыром?

– Лев сильно расстроится, – томно говорит Иван Иванович.

– Это почему же, Ваня? – усмехаясь, Валя.

– Он и жена его готовят нам роскошный стол.

Все сошлись на одном – перед тем как сесть за стол, надо совершить прогулку к заливу.

Лев Родионович встречал гостей на обочине шоссе с собакой.

– Рад приветствовать вас на нашей земле, – так шутливо сказал отставной полковник. Пес зарычал. Не зло. Лениво как-то. Для приличия. После обычных объятий и рукопожатий процессия двинула в сторону домов, что стоят в ряд по шоссе.

– Зная, Валя твое искусство кормить мужчин везде и при любых обстоятельствах, рискну предположить, что Ваня и Толя прилично заправились в электричке. Потому предлагаю прогуляться к заливу.

Прибывшие гости переглянулись – что мы говорили.

Пока Лев Родионович и его гости гуляют по берегу залива, поделюсь своими воспоминаниями о тех временах, когда жены пытались образумить или, не дай бог, вернуть мужей писали в парткомы, профкомы.

Вернусь к песни Галича «Гражданка Парамонова» о неверном муже, который гулял с Нинкою.

В скобках замечу, что как расшифровывается псевдоним Галич, я узнал лишь в конце восьмидесятых годов двадцатого века.

Настоящие фамилия, имя и отчество поэта, драматурга Гинзбург Александр Аронович. Взяв первые буквы аббревиатуры, поэт стал Галичем.

Если я после окончания пошел «в науку», то мой хороший приятель ушел на производство. Я не отношу себя к поколению «шестидесятников». И Гена был человеком практичным. Ему были далеки экзальтированные переживания. Но и все «человеческое ему было не чуждо». Он женился раньше меня, и, когда нам удавалось посидеть где-нибудь за кружкой пива, оба любители этого пенного напитка, то он с таким восторгом рассказывал о семейной жизни, что становилось даже завидно.

Когда меня судьба осчастливила браком, и мы с Леной стали жить под одной крышей, как законные муж и жена, я, вспоминая восторженные речи Геннадия, подумал: «как различно у людей восприятие одного и того же события?»

Было немного странно, вообще, слушать восторженные речи Геннадия, если вспомнить кто его родители. Отец простой шофер. Мать работница на текстильной фабрике.

Геннадий успешно продвигался по карьерной лестнице. Его работу отмечало начальство. О нем хорошо говорили с трибун собраний. Но настал тот момент, о котором поется в песне Галича. Влюбился наш женатый Гена. По уши влюбился. Жена пишет во все инстанции: «мой муж подлец, он изменил мне. Верните мне мужа». Парадоксы того времени.

Ныне обманутые мужья (жены) в парткомы не пишут. Странно было бы услышать, что какой-то член партии Жириновского написал ему письмо с просьбой пропесочить изменившего (ей) мужа (жену) на собрании. Нет. Теперь эти вопросы выносятся на более широкую аудиторию. И трясут грязным бельем в студиях на разных ток-шоу. На потеху обывателю.

Приметы времени...

Дом отставного полковника Груздева построен из наисовременнейшего строительного материала, из блоков шлакобетона. Поверх этих блоков, он оштукатурен, и покрашен в цвет голубого неба. Та, во всяком случае, было написано на этикетке банок.

Веранда выходила на залив. Там и накрыла стол жена Льва Родионовича Ядвига Карловна.

Свою будущую жену польскую девушку тогдашний капитан, командир роты Лева Груздев в буквальном смысле этого слова отбил у немцев. Его полк брал крупный город Пинск в июле сорок четвертого года. Ядвига оказалась там в сороковом году, когда родители её бежали от немцев на Восток.

Если бы не маршал Рокоссовский не быть этому браку.

Прогулка по берегу залива вернула аппетит мужчинам. Валентина Ивановна никогда не бывает голодной. Так она утверждает. Валентина Ивановна принадлежит к тем женщинам, который, зайдя к Вам в дом, скажут: «Я на минутку. Даже шляпки снимать не буду», и проведет у Вас весь день.

Смотрю на стол. Какое пиршество яств. Отменно постаралась Ядвига. Тут и блюда русской кухни, и грузинской. Было бы странно, если бы я не увидел блюда польской кухни. Напрягаю память. Точно. Это заварные пирожки с окороком. А рядом судак по-польски.

А теперь, отступив от правил приличий, посмотрим, как кто ест. Толя с молодым задором поглощает почти все подряд. Отец его солидно переходит от одного блюда к другому. Ядвига рада: «Ешьте, ешьте. На горячее бигус будет». Кто бы сомневался. Интересно, что Ядвига предложит на десерт? Говоря по-простому, на сладкое. Не ошибусь, если это будет маковник.

Что же наша Валентина Ивановна? Курица по зернышку клюет. Валентина, не торопясь, тщательно пережевывая каждый кусок, поедает все блюда. «Я никогда не бываю голодной». Помните?

Лев Романович не был бы Львом, если бы трапеза проходила «всухую». Нет. Пили не польскую водку Wybowa (Wyborowa). Или Собески (Sobieski), а нашенскую русскую «Столичную».

Признаюсь, польскую водку Wybowa я пил. Пока гости наслаждаются сочным бигусом, я расскажу, при каких обстоятельствах мне выпало пить польскую водку. В семьдесят седьмом году я был назначен на должность заместителя директора института. Первым замом по науке служил пожилой доктор наук. Я же «просто» зам.

В отделе науки горкома партии мне напрямик сказали: «Товарищ Бродский стар. Ему пора на заслуженный отдых. У Вас на выходе докторская диссертация. Защитите, место зама по науке Ваше», говоривший усмехнулся и закончил речь, – «А там один шаг и до директорского кресла».

Елена, как и полагается жене, узнав об этом разговоре, выразила сочувствие пожилому человеку.

– В субботу мы устраиваем прием по случаю твоего тридцатилетия. Пригласи его.

Пригласил. Умный русский поляк ответил на мое приглашение с хитрецей.

– Молодой человек. Если бы Вы не пригласили меня на свой юбилей, я бы усомнился в своих умственных способностях. Хотите подсластить пилюлю? Неужели я не понимаю, что Вас назначили с перспективой занять мое место. Приду обязательно. По институту ходят легенды о красоте Вашей супруги, – усмехнулся в свои рыжие от табака усы, – Отобью её у Вас.

Евгений Капитонович пришел к нам в гости. Но не в тот день, когда я отмечал свое тридцатилетие, а спустя неделю. Принес букет цветов, жуткий дефицит тех лет, и бутылку польской водки.

– Детям мороженое, бабе цветы, – проговорил он без улыбки цитату из кинофильма режиссера Гайдая.

Мы мило провели вечерок. Евгений Капитонович веселил мою жену анекдотами, изощрялся в комплиментах. То и дело подмигивал мне – уведу ведь, уведу.

Когда Лена подала кофе и, сославшись на неотложные домашние дела, вышла из столовой, Евгений Капитонович заговорил другим тоном.

– Я, молодой человек готов уйти на заслуженный отдых. Отдыхать, естественно не буду. Меня приглашают читать курс лекций в ВУЗ. Вы станете хорошим замом по науке. Но прежде, наши столпы науки уже распускают слухи о том, что Вас не просто так назначают на руководящие посты. Вы, по версии одних, племянник шишки из Москвы, по версии других, Вы просто взяточник. Зависть самое мерзкое чувство. Отелло задушил Дездемону из ревности? Ни черта подобного. В корне зависть. Помнит, как у дома сенатора Брабанцио венецианский дворянин Родриго, безответно влюблённый в дочь сенатора Дездемону, упрекает своего друга Яго за то, что тот принял чин поручика от Отелло, родовитого мавра, генерала на венецианской службе. Известно классическое высказывание Александра Сергеевича Пушкина: «Отелло от природы не ревнив – напротив: он доверчив».

Такая трактовка пьесы Шекспира меня несколько удивила. Пройдет немного времени, и я пойму, как был прав русский поляк Бродский Евгений Капитонович. Завистники завалят кляузами все инстанции. Тогда шутили: «Пишите в Сочинский горисполком». Только туда завистники не догадались послать подметное письмо.

Я отмечаю приметы времени. Но есть вещи, существующие во все времена.

После сытного раннего ужина было решено объявить тихий час.

– Мы с Ядигой почти не спали ночью. Все к вашему приезду готовились, – шутит Лев Родионович, и жена вторит ему.

– Так ждали. Так ждали.

– Мы тоже почти не спали, – лукавит Валентина Ивановна и мужчины её не поправляют. Потому что спать хотят.

– Тогда объявляю по части тихий час. Ядвига, покажи гостям, где они смогут отдохнуть.

После тихого часа гости гуляли, где кто хотел. Анатолий играл с собакой на берегу залива. Лев Родионович и Иван Иванович уединились в гараже. Лев показывал гостю свою машину.

– Нам в часть пришла разнарядка на машины. Представляешь, на немецкие Мерседесы.

– Трофейные, что ли? – удивляется Лев Родионович.

– Новые. Из Западной Германии. Говорят, это заслуга Родиона Яковлевича.

– Узнаю полковника Малино, – Лев Родионович напомнил об испанском прошлом министра обороны Родиона Яковлевича Малиновского.

– Единственный министр обороны Союза, награжденный французским орденом Военный крест с серебряной звездочкой, – проявил эрудицию и полковник Поспелов.

– Покупай.

– Лев Родионович, что ты говоришь? Чтобы я на старости лет шофером стал.

Товарищи вышли из гаража, и попали в руки женщин.

– Лев, ты со своей машиной совсем спятил. Ездить, не ездит. А как кто к нам зайдет, так обязательно в гараж его тащит.

Знала бы ты, жена, что муж твой в гараже не автомобилем хвастает, а кое-чем гостя потчует. Одному как-то не с руки пить.

– Мы уже ужинали, а кушать-то хочется, – Ядвига ушла в дом.

То ли воздух тут такой, то ли другой какой-то фактор, но всем очень хочется кушать. Всем, это двум супружеским парам. Хочет ли кушать Анатолий, сказать ничего не могу. Он с собакой на заливе.

Женщины ушли в дом, готовить стол ко второму ужину.

– Анатолий совсем взрослым стал, – с оттенком зависти говорит Лев Родионович.

– С виду взрослый, а по мозгам дитя. Устроился на завод № N. Учеником слесаря.

– Хороший завод. У меня там старый друг трудится. Обеспечим надзор, и все будет в порядке.

– Я не беспокоюсь. Парень принял здравое решение. Мать сильно волнуется. А какое у неё сердце сам знаешь.

– Обеспечим, – сказал Лев Родионович, но что именно, сказать не успел. Позвали к столу.

– Надо Анатолия позвать.

– Позовем, Ваня, – весело говорит отставной полковник. Берет два пальца в рот и разражается пронзительным свистом.

Первым прибегает пес. Язык набок. Тяжело дышит.

– Замотал тебя, Мичман, Толя?

Анатолий лишь головой мотает.

– Мы с тобой сухопутные вояки. А пес у тебя моряк. Почему?

– Ваня, Ваня, это водолаз. Порода такая. По-ихнему это ньюфаундленд.

Создается впечатление, что оба полковника «ходят вокруг и около». Хотят обсудить и решить важный вопрос, но отчего-то не решаются.

Могу предположить, что товарищ Пospelов хочет попросить друга воздействовать на сына в том направлении, чтоб тот все-таки подал документы в ВУЗ. Время еще есть. А товарищ Груздев, услышав, как друг относится к выбору сына, не решается предложить свою помощь в том, чтобы Анатолию отказали в приеме на работу на заводе № N.

Поздний ужин. Кто это сказал: отдай ужин врагу? Еще чего! Такой ужин, и отдать кому-то?

Если я начну описывать те блюда, что стояли на столе, то опасаясь, вы изойдете слюной.

– Ядвига! Ты поразила меня в самое сердце, – говорит Иван Иванович, потирая не область сердца, а живот.

– А гладишь живот, – смеется хозяйка дома, – Вы с Львом пойдите на двор. Погуляйте.

Белые ночи. Зачем я упомянул о них, если всякому ясно, где действие происходит? Поясню. Туалет есть в доме, но какой мужчина откажется исполнить малую нужду на свежем воздухе?

Трудность заключалась в том, чтобы найти укромное место в темном месте. А где его найдешь в белые ночи?

– Лев! Ты на атасе, – командует действующий полковник отставнику, – Дашь знать, если кто появится.

– Добро. Свистну, если кто сунется.

Ни хозяин, ни гость не знали, что Мичман пристроился поодаль.

Кто бы мог предполагать, что и младший Пospelов захочет проделать процедуру опорожнения мочевого пузыря на свежем воздухе.

Лишь скрипнула дверь, раздался свист. Мичман одним прыжком валит на землю Ивана Ивановича. Как бы ни был храбр боевой полковник, но такой атаки он с расстегнутыми брюками не выдержал. Крик о помощи огласил двор.

– Отец, держись! – кричит Анатолий и бросается сломя голову.

Лев Родионович растерян. Он никак не ожидал такой реакции от своего пса. В отличие от полковника в запасе товарища Груздева, бывший школьник Толя Пospelов не растерялся. Командным колосом он приказал собаке: «Фу! Мичман!», и тот послушался.

– Чем вы там занимаетесь, товарищ мужчины? – на крыльцо вышла Ядвига. От воплей мужа Валентине Ивановне стало плохо.

Угомонившись сами и успокоив собаку, мужчины вернулись в дом. Как ни старалась не показывать вида Валентина Ивановна, что ей плохо, муж это заметил сразу. Да и запах корвалол выдавал.

– Надо ехать домой, – такое весьма спорное предложение высказал Иван Иванович.

– И куда ты повезешь жену в ночь? – Ядвига сердита.

Было решено, переночевать тут, а утром решить, ехать в город или нет.

– Валя и я будем спать вместе в нашей со Львом спальне. А вы, мужчины располагайтесь, где хотите. Лев! Обеспечь народ постельным бельем, – командует жена бывшего командира полка.

Ночь прошла спокойно.

Баню решили не устраивать. Позавтракали скромно. Плохое самочувствие Валентины Ивановны подействовало на всех угнетающе.

– Есть электричка в двенадцать пятнадцать, – посмотрел расписание Лев Родионович. Оглядел всех и обратился лично к Ивану Ивановичу, – пройдемся к заливу, Ваня.

Толя порывался пойти с ними. Но отставной полковник резко пресек этот порыв; «С мамой будешь».

С моря дул ветер, неся на берег пологие волны. Те прибывали к берегу водоросли, стебли тростника и другой мусор.

– Присядем, Ваня, – Лев Родионович расстелил на валуне припасенную тряпицу. Достал фляжку и бумажный пакет, – Со стола стащил.

Водку мужчины пили из маленьких мельхиоровых стаканчиков. Пили, отвернувшись от порывов ветра. Тот уже гнал песок.

– Быть нагонной волне. В Питере опять наводнение будет, – аккуратно отправив в рот крошки хлеба, сказал Лев.

Иван Иванович молча согласился. Его волновало состояние здоровья жены. Лев Родионович понимал состояние друга. Он специально привел того сюда, подальше от глаз и ушей своей и товарища жены.

– Ты говоришь, Анатолий уже принят на работу на завод? – Иван Иванович кивнул, – Ты меня выслушай и не перебивай, пожалуйста. Анатолий молодец, что решил сначала поработать годик и потом послужить. Если бы у меня был сын, то тоже одобрил такой выбор. Но у вас особая ситуация. Валя-то твоя нездорова. Не довести бы её до инфаркта.

– А что делать? Парень уперся. Сломаешь его сейчас, потом или злобного типа или слякоть получишь.

– Согласен. Но мы с тобой сделаем хитрее. Так сказать, вытащим каштан чужими руками. На заводе работает бывший мой начхоз. Он придумает, под каким благовидным предлогом отказать Анатолию в приеме на работу. Так что сын твой успеет подать документы в ВУЗ.

Домой друзья возвращались в отличном настроении.

– Глядите, люди на наших полковников, – Ядвига показывает на подходящих к дому друзей поварешкой, – Ветер с залива нагоняет не только наводнение в Ленинграде, но пьянит наших мужей.

Уезжали гости на четырехчасовом поезде.

Какую причину придумал товарищ по службе Льва Родионовича, чтобы отказать Анатолию Пospelову в приеме на работу, я не знаю.

О том же, что Анатолий стал студентом ЛГУ, я узнал лишь в 1968 году.

В самом конце июля, в разгар каникул, я узнал о вводе войск Варшавского договора в Чехословакию. Мы с Анатолием Пospelовым продолжали жить в одном районе, и значит, были приписаны к одному военкомсариату.

Когда я показал отцу повестку в военкомат, он сказал сурово: «Этот Дубчек довел ситуацию в Чехословакии до критической, и я не исключаю ввода наших войск. Остается надеяться, что к этому не привлекут резервистов».

В военкомате мы и встретились. С Анатолием Пospelовым не виделись давно. Я жил в доме «тройки», он где-то в районе Комендантского аэродрома.

– А я чуть было не попал в армию после школы, – говорил, узнав, где я учусь, – Теперь я будущий журналист. Помнишь нашего литератора?

Как можно забыть Виктора Ивановича с его знанием стихов Пушкина?

– Мама буквально вытолкала меня в Университет на факультет журналистики. И все из-за него. Наговорил матери о моем особом слоге.

Комиссар сказал: «Живите пока, студенты», и мы ушли. Ни Толя, ни я не выразили желания «посидеть» где-нибудь. Далеки были наши интересы в то время.

Я увлекся спортивным туризмом. Ходил зимой в бассейн. Толя в студенческие годы начал уже печататься. Его очерки публиковали и заводские, и областные газеты. Он состоял членом литературных объединений и семинаров. На семинарах Даниила Гранина обсуждали его стихи и рассказы.

Вот и посудите, о чем бы мы могли говорить за рюмкой чая?

Вступительные экзамены. Сколько нервных клеток разрушают они у большинства абитуриентов. Но не у Анатолия Пospelова: «Не наберу нужное количество баллов, пойду куда-нибудь работать. Не обязательно на секретный завод». Профильные экзамены сдаются в первую очередь. Это классическое сочинение. Устный русский. История СССР.

После того как ты успешно пройдешь первые испытания, тебе предстоит сдать творческий экзамен. Написать эссе.

Предлагались темы: Журналист – это ремесло или призвание? Или – Моя Родина. И так далее.

Анатолий выбрал самую странную тему – монолог вещи от первого лица.

Толя вспомнил старинный книжный шкаф, что стоял в кабинете отца. Есть где разгуляться фантазии.

Историю этого шкафа Анатолий знал по рассказу матери: «Он был тут, когда мы с отцом поселились. Я сначала хотела выбросить его на помойку, но потом передумала. Во-первых, отцу требовалось все больше книг. Во-вторых, мастер, который ремонтировал у соседки комод, сказал, что этот шкаф старинный. Что он из ценных пород дерева, и что, если его чуть-чуть починить и ему цены не будет».

Сочинение Анатолий Пospelов написал раньше всех. Но он не спешил сдать работу в комиссию. Перечитал еще раз. Проверил синтаксис. На этом многие «срезаются», так подсказал один добрый человек. Переписал начисто и только тогда сдал сочинение.

– Вы не поторопились, юноша? – спросила дама из комиссии в очках и с модной прической «Бабетта идет на войну».

– Нет, мадам, – с улыбкой отвечал юноша Анатолий.

Дама ответила еще более теплой улыбкой.

Как на сочинение, так и на устный экзамен, Анатолий шел без волнения. Спокойный и веселый. Почему ему не быть веселым? Позавчера, когда он пришел в университет, дама в очках и с модной прической на голове шепнула: «У Вас пять. Предлагаю отметить в кафе-мороженое».

Пусть Анатолий скоро «стукнет» восемнадцать, но природная скромность и воспитание не позволят ему поведать о подробностях свидания с дамой из Приемной комиссии.

Я же просто обязан для полноты картины в нескольких словах рассказать об этом.

Сцена в кафе. За столиком в самом дальнем углу двое. Анатолий и дама с прической «Бабетта».

– Анатолий, не задирайте носа. Ваше сочинение похвалил мэтр нашей журналистики, – дама назвала имя известного ленинградского журналиста.

Анатолию эта фамилия была незнакома. В те дни Анатолий Пospelов был увлечен другим журналистом – американским репортером писателем Эрнестом Хемингуэем. Но тот факт, что его сочинение оценил профессиональный журналист, льстило молодому человеку.

Пройдут года, и имя Пospelов станет известно широкому кругу читателей, и будет автор лауреатом многих премий и станет орденоносцем, а добрые слова идущие от товарищей по цеху ему будут приятны. Анатолий Иванович не будет читать рецензии критиков: «Они для того и созданы природой, чтобы препарировать наши произведения. Они подобны патологоанатомам».

Если маститому писателю приятны добрые слова о себе, то, что же говорить о юноше абитуриенте?

– Вы меня не предайте. Я не имела права говорить Вам это, – дама двадцати пяти лет от роду хлоп, хлоп ресницами и глазками в сторону Анатолия.

– Никогда! – пылко отвечает Толя и хватает руку дамы.

– Ой, что Вы? Вы мне руку оторвете. Да и неудобно. Люди тут.

– Пускай, – пылает юноша, – Вы чудо!

– Пойдём отсюда. Люди смотрят.

В кафе кроме них из посетителей нет никого, а буфетчица занята собой и ей нет никакого дела до парочки в углу.

Жаром встретила улица пару. С еще большим жаром на лице вышел из двора колодца домов на Девятой линии Василевского острова Анатолий Пospelов, часом назад ставший мужчиной.

– Мать! – Иван Иванович удачно провел занятия с офицерским корпусом. Читай между строк, дружеское застолье, – Наш Анатолий еще и студентом не стал, а его писульки сами столпы советской журналистики хвалят.

Анатолий, курящий на балконе от материнских глаз подальше, не удержался и только что похвастался перед отцом. Его эссе «Мой шкаф» читали все комиссией. Это Анатолию рассказала дама в очках: «Некоторые места мы даже перечитывали». Жарко шептала Бабетта юноше в ухо. Как же не похвастать перед отцом.

– Иван Иванович! – Валентина переходила на Вы с мужем тогда, когда сердилась сильно на него, – Вы несправедливы к сыну. Мальчик показал, что он способен учиться в Университете, а Вы смеете смеяться.

– Ах, какие нежности. Сын! – опять с протяжным «ы» зовет Толю Иван Иванович.

– Тут я, отец, – Анатолий комедийно вытягивается по стойке смирно.

– Вольно. Садись. Поговорим, как мужчина с мужчиной.

– Как коммунист с комсомольцем, – продолжает шутливый тон Анатолий.

– Святое не трогай. Я в партию вступил в сорок третьем. Немцам мы тогда сильно хвост поприжали под Сталинградом, но он был ещё силен. Мы в партию шли не за должностями, а по зову сердца и долгу перед Родиной.

– Прости, – сник Анатолий.

Зато мама его полна боевого пыла.

– Теперь, по какому поводу праздник в В/Ч № NNNNN? – Валентина Ивановна несет майоликовую посудину, над которой клубится ароматный пар.

– Долма, – возделенно говорит полковник Пospelов.

Крепки его воспоминания о службе в Азербайджане. Там ему было присвоено первое звание старшего офицера. Там он впервые после войны отдал приказ бойцам стрелять на поражение. Сорок шестой год. Не родился еще Анатолий, и Валя еще ему не жена. В Талышских горах Азербайджана русских женщин не было. Были горные бараны, были старцы. Архары и архаровцы были. Но русских женщин там не было.

С молодой женой майор Пospelов приедет в Азербайджан, когда их сыну исполнится уже пять лет. За год до смерти Сталина. Друзья однополчане тепло и радушно встретят своего настоящего боевого товарища. Тогда и будут угощать их долмой.

– Долма, – вторит жена, и продолжает все также сурово, – А водки тебе сегодня не будет.

– И не надо, – по-детски надув губы, отвечает на запрет водки Иван Иванович.

Долма вкусна, сочна. Она источает ароматы Востока.

– Мама, а по какому случаю у нас долма?

– Как раз по случаю твоего успеха. Мне сведущий человек сказал, если сданы на отлично профильные экзамены, то можно считать что человек принят в университет.

– Не скажи. Экзамен по истории СССР еще надо сдать на отлично.

Иван Иванович как в воду глядел. По истории СССР Анатолий получил оценку «три». Полный конфуз. Не надо думать сходу, что в школе ученик Пospelов по этому предмету не успевал. Напротив! Тот же литератор товарищ Прозоров отмечал хорошие знания истории у Анатолия Пospelова. Учитель истории у учителя литературы в друзьях был. Они часто обсуждали дела учебные. Делились мнениями. Оба сходились во мнении, что ученик Пospelов хорошо знает предмет и умеет его доходчиво излагать.

Знал историю СССР Анатолий, а получил трояк.

– Ты на грани, – опять жарко шептала дама в очках в ухо Анатолия, – Надо что-то делать.

И Анатолий холодно отвечал ей: «Не примут, так пойду на автозаправку работать. Сегодня видел объявление на тоске „требуется“. Потом отслужу. А писать все равно буду».

В Анатолии открылась жажда писать. Сколько вокруг тем! А люди? Так и просятся под перо.

– Нет. Ты постарайся. За тебя просит, – дама в очках опять называет имя именитого журналиста, – Я тебе дам ответы на один билет и подскажу, как его найти, – еще жарче шепчет дама, и Анатолий ей отвечает также жарко.

Забегу немного вперед. Вечером мама, подав сыну ужин, приглядится к нему и скажет тайком от сына мужу: «Кажется, наш Толя влюбился».

Оставшиеся экзамены, а это был экзамен по английскому языку и география, Анатолий сдавал, как говорят «на автомате». И автомат тот сработал. Английский «пять». География «четыре».

Если бы не прокол с историей. Если бы, да во рту росли грибы.

Жара сменилась сначала приятным теплом. Потом, как это часто бывает в нашем городе, подули ветра с северо-востока, и стало прохладно. Не было дождей, но это не радовало.

А Анатолия в те дни радовало все. Он находился в эйфории чувств обуреваемых им. Его любит, так ему казалось, женщина. И какая! Ослепление юноши впервые увидевшего обнаженное женское тело. И неважно, что тело то далеко от совершенства, что в свои двадцать пять лет дама успела сильно «потрепаться», и нет в её облик свежести молодости. Анатолий ослеплен!

Дама в очках и с модной прической «Бабетта», двадцати пятилетняя жена шофера такси, обладая авантюрным характером, искала приключения – «я его протолкну на журфак, тогда этот заносчивый тип утрется слезами». Имеется в виду аспирант с кафедры, который посмел отказать ей в близости.

На дополнительный экзамен по истории СССР абитуриент Пospelов явился во время. Но одет юноша был весьма вольно. Спортивные брюки и ковбойка. На ногах кеды. Принимавший экзамен преподаватель глянул на наряд Анатолия. Не сказал ничего, но скривил такую мину, что сразу стало ясно, что он категорически не одобряет такое явление на экзамен. Но сам мэтр попросил принять у него экзамен.

Вот он, меченый билет. Анатолий нарочно берет другой. Юноша уже в азарте схватки – профессор и он.

Другой билет вытащен назло себе. Подглядывающая в приоткрытую дверь дама в очках всплескивает руками.

– Вам уже аплодируют, – иронизирует преподаватель.

Анатолий преподавателя не слышит. Вопросы билета ему знакомы досконально. Но навалила на юношу зубная боль. Не надо было утром выходить на пробежку в спортивных трусах. У кого горло болит при простуде. У кого насморк начинается. А другой кашлять станет. Это у «тех». А у нашего героя зуб заболел. Тот, у кого зубы не боли никогда, нас не поймет.

Стиснув зубы, Анатолий пишет на листах из тетради в линейку начальной школы тезисы ответов. Тридцать минут, и он готов. Мог бы и быстрее, если бы не эта чертова боль зубная.

В аудиторию Анатолий Пospelов вошел ровно в девять утра семнадцатого августа шестьдесят пятого года. Отмечу эту дату. С неё практически началась студенческая жизнь Толи Пospelова.

– Не понимаю, как Вы могли у меня же схватить тройку? Мало того, что Вы владеете материалом, Вы и превосходно его преподнесите. Я веду семинары в каждую последнюю субботу месяца. На две недели еду с группой студентов на Селигер, но думаю к двадцать восьмому числу вернусь. Милости прошу, – профессор назвал номер аудитории.

– Пять! – торжествующе говорит Анатолий даме в очках. Обзову её, наконец. Пускай у неё будет имя Беата. Бабетта на голове. На устах Беата.

Анатолий говорит радостно, а лицом выражает страдания.

– Это хорошо! Идем, отмечать! – Беате не терпится разделить радость с Толей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.